

2
Л-722

оф. С. Г. ЛОЗИНСКИЙ.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РОСТОВЩИКИ

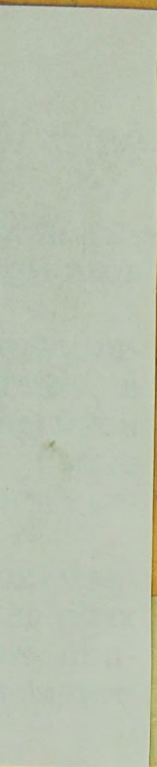
СТРАНИЦЫ ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА.

62662

8745

107

2662

08:015" O P. 20 2.7
N-722
354
ЛИБРАРИЯ ОНУС
ВЕНЕЦОВСКА
ИМЕН
С. ВЕНЕЦОВСКО
ВЕРДЛОВСКО

72

Проф. С. Г. Лозинский

Г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РОСТОВЩИКИ

Страницы из экономической истории церкви
в Средние века.

Книгоиздательство
„СЕЯТЕЛЬ“
Е. В. ВЫСОЦКОГО
ПЕТРОГРАД
1923

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СЕЯТЕЛЬ“
Е. В. ВЫСОЦКОГО
ПЕТРОГРАД

7

280.9

Петрооблит № 7980

Тираж 5.000

Типография «Сеятель» Е. В. Высоцкого. Пгг., Вознесенский пр. 53.

Предисловие.

Деньги — нерв всякой войны, в особенности ведущейся в большом, мировом масштабе. Крестовые походы были в Средние века первой большой войной, и для успеха ее нужны были прежде всего деньги. Но при господстве тогдашнего натурального хозяйства их добыть было нельзя, — и вдохновитель Крестовых походов раньше других пришел в столкновение со старым режимом. Так церковь, задаваясь широкими планами и ставя грандиозные задания, помимо своей воли ломала цепи средневекового общества. Реакционное по своей сущности учреждение на практике осуществляло революционные задачи и вызывало к жизни силы, которые неминуемо должны были стать в оппозицию к нему: так ткач тклет нити, не зная, какое будет из них сделано употребление.

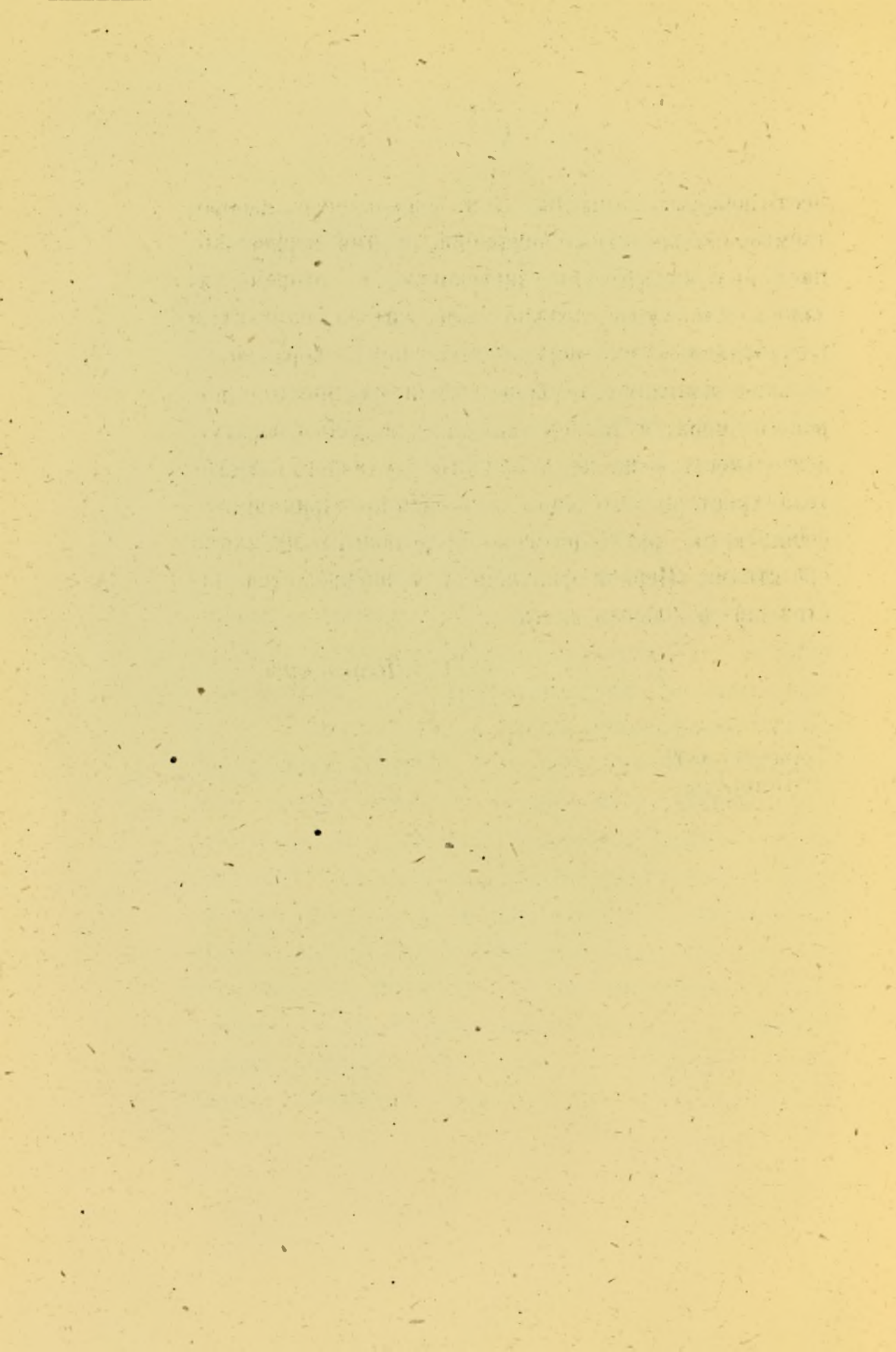
Папство резко осуждало процентные ссуды и кредитные операции; церкви были противны денеж-

ные сделки и прибыльные предприятия; соборы возмущались богачами и алчущими денег людьми; монастыри и ордена проповедывали бедность и нищету. Все это было «идеологией», находившейся в полном противоречии с требованиями жизни, гласившими, что церковь управляет миром, и что светская власть подчиняется духовной. Чтобы жизненные требования не оставались также «идеологией», необходим был аппарат для проведения их на практике, — аппарат этот мог быть создан путем разрушения старого, дорогого теориям средневековой церкви общества и строительства нового режима, столь враждебного духу средневековой церкви. Так вращалась церковь в кругу противоречий. Но выход был найден: папская курия стала финансовой силой, крупнейшим центром, куда потоками стекалось золото, коим вершались судьбы мира. Лицемерие в виде запрета о взимании процентов является лишь воспоминанием о былых противоречиях, данью тому времени, когда еще не были преодолены теоретические трения, и когда голос идеологии еще не был окончательно заглушен криком требований повседневной жизни. Отныне церковь не только в центре всяких коммерческих сделок, но она творит новые формы финансовой деятельности, и чем шире ее

честолюбивые замыслы, тем рискованнее изобретаемые ею кредитные операции, и тем вернее копает она яму тому средневековью, в котором, казалось, так уютно должно было житься папству и возглавляемой им церкви. Большому кораблю — большое плавание: церковь вышла на простор широкого моря и в нем нашла для себя богатую деятельность, — но не в качестве духовного благодетеля христианского мира, а в роли предприимчивого финансиста, ради денег не брезгающего никакими средствами. Церкви-финансисту и посвящается настоящая небольшая книга.

С. Лозинский.

Август 1923.
Петербург.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РИМСКАЯ КУРИЯ.

I.

Обложение духовных должностей. Посвящение в епископы в самую раннюю пору существования церкви сопровождалось со стороны посвященного даром тому, кто возводил в сан епископа, и собор в Риме 595 года уже считал нужным подчеркнуть, что обычай предоставления такого дара не является куплей-продажей священного сана и не представляет собою симонии. Так как многие епископы с самого начала стремились получить посвящение в Риме от наместника апостола Петра, то римский архиепископ, который постепенно лишь один стал называться папой, собирал подобного рода дары в значительном количестве. Это обстоятельство не могло не вызвать недовольства со стороны других высших представителей церкви, оказывавшихся в сравнении с папой обойденными. Так, парижский собор 829 г. определенно жаловался на установленные папской курией размеры дара, получившего название облации (oblatio)

и принявшего скорее характер чего-то обязательного, а не добровольного. В красноречивой форме жалобы эти мы находим у епископа города Шартра (во Франции) Ивона, жившего во второй половине XI-го века. Ивон возмущается агентами римской курии, проявляющими страшную алчность и жадность и за право духовного утверждения в сане берущими в пользу курии очень значительные суммы*).

• Это утверждение в сане все более и более присваивается папою и делается, наконец, его монополиею: когда майнцский архиепископ в середине XIV века утвердил в сане одного зюрцбургского епископа, папа признал этот акт неправильным и отменил посвящение**).

Одновременно с присвоением Римом права утверждения епископов шел процесс изъятия монастырей из-под власти епископов и передачи их в непосредственное ведение курии: отныне аббаты стали утверждаться папою, разумеется, за известное «добровольное» вознаграждение. Непозолоченная аббатская митра сделалась таким же источником дохода для курии, как и позолоченная епископская. В течение некоторого времени источник этот носил неопределенный характер, ибо речь шла не о вознаграждении за митру, а о добровольном преподношении папе за оказанное им доверие. Однако, в видах точного установления бюджета курии такса за доверие стала вытеснять добровольные пожертвования, и когда епископ города Бриксена в конце

*) Foucault, Essai sur Ives de Chartres, 1883.

***) Ph. Woker, Das kirchliche Finanzwesen der Päpste, 1878.

XIII-го века обещал курии за посвящение тысячу золотых гульденов и 190 в виде чаевых канцеляристам при папе, то эта добровольная сумма должна была быть внесена, несмотря на внезапную смерть епископа, не успевшего еще занять епископского престола. Под страхом отстранения от должности преемник бриксенского епископа внес указанную выше сумму*). Неопределенность размеров этих взносов тяготила, тем не менее, финансовые выкладки курии, и в 1309 г. мы уже наталкиваемся на твердую таксу: с епископа города Мюнстера за утверждение в сане потребовали, согласно таксе, три тысячи гульденов; к этому приблизительно времени почти во всех епархиях фиксируется плата за утверждение в сане епископа, и принимаются самые строгие меры к тому, чтобы не затерялся ни один папский гульден.

Так, должны были платить в начале XIV^о века:

по 10.000 гульденов	архиепископы Трира, Майнца, Кельна и Зальцбурга.
> 12.000	архиепископ Руана.
> 8.000	Толедо.
> 6.000	Санса.
> 5.000	Тулузы и Севильи.
> 4.000	Компостеллы.
> 3.000	Милана.
> 9.000	епископ Лангра.
> 7.200	» Льежа.
> 6.000	» Камбрэ и Меца.

*) Sinnacher, Beiträge zur Geschichte der bischöflichen Kirche von Säben und Brüxen, 1822.

по 5.000 гульденов	епископ	Турне. и Пассау.
» 4.600 »	»	Утрехта.
» 4.400 »	»	Вердена.
» 4.000 »	»	Бреславля.
» 3.500 »	»	Парижа и Ольмюца.
» 3.000 »	»	Мюнстера, Бамберга, Вюрцбурга и т. д.

Аббатства в общем платили несколько меньше; однако, и среди них были очень дорогие. Так, Сен-Жермен де Прэ таксировался в 8000 гульденов; во столько же монастырь Св. Троицы в Фокане; Сен-Дени платил шесть тысяч; целый ряд других аббатств уплачивал по 3 — 5 тысяч гульденов. Все аббатства парижской епархии были таксированы в 18366 гульденов, а монастыри руанского округа в 24206. На Констанцском соборе 1414 — 18 гг. французские представители горько жаловались на высокое обложение епископских и аббатских должностей, превышающее 697500 французских гульденов. В виду частых перемещений прелатов сумма эта, по словам обложенного духовенства, полностью вносилась каждые шесть лет.

С падением ценности денег указанные выше суммы соответственным образом повышались: так, бамбергский епископ, плативший вначале три тысячи гульденов, в первой половине XVI века должен был вносить уже 15 тыс., Майнц к концу того же века поднялся с 10 тыс. до 27 и т. д. Когда Дальберг в 1787 г. был назначен заместителем епископа Майнца и Вормса, то отправил

в курию 80.000 гульденов *). Это обложение, носившее название *servitia communi*, тем тяжелее ложилось на духовенство, что должно было доставляться в курию непосредственно облагаемыми лицами, а поездка в Рим и проживание в нем естественно вызывали большие расходы, часто не уступавшие по своим размерам самой таксе. К этим расходам следует прибавить многочисленные виды чаевых взносов (*propina*), положительно разорявших прибывавших в Рим епископов и аббатов. Правда, чаевые (*propina*) относились к разряду мелких (*minuta*) расходов, но своим разнообразием, повторяем, сильно отягощали и без того тяжелое бремя счастливых обладателей новых должностей. Где было взять необходимые средства приезжавшему в Рим из далекой страны епископу? Без внесения таксы и чаевых его пребывание в Риме было бесцельно, а без уплаты за квартиру и содержание ему невозможно была выбраться из Рима. И утверченный в высокий духовный сан ищет ссуды для уплаты необходимых ему денег. Эту ссуду готов ему дать римский купец под известное обеспечение и при гарантии легкого взыскания выданной епископу ссуды. Сверх этих условий купец, разумеется, требует и определенного возмещения убытков за «умерщвление живого капитала», т.-е. уплаты известных процентов с данной ссуды. Посредником между купцом и епископом становится папа: он прежде всего заинтересован в том, чтобы бедный епископ обладал необходимой суммой

*) Woker, цит. соч., стр. 13.

для внесения таксы; он стремится также к тому, чтобы все канцелярские чиновники курии не остались без чаевых; он, наконец, один в состоянии дать купцу твердую гарантию в уплате взятых у него денег. Кто, помимо папы, когда-либо заставит архиепископа Майнцского или Бельнского вернуть полностью в срок римскому купцу одолженные у него под проценты деньги? В глазах кредитора единственным поручителем может и должен быть папа римский, и папа не только облегчает выгодные курии денежные сделки между купцом и епископом, но и превращается в поручителя, который под угрозой устранения новоназначенного епископа от должности или даже отлучения от церкви гарантирует купцу аккуратный и своевременный возврат данной им ссуды. Папа вовлекается в светские и чисто денежные дела; становится до известной степени должником разных купцов, сталкивается с ними на почве кредита, связывается определенным сроком уплаты долгов и молча допускает процентные операции в стенах курии, несмотря на каноническое запрещение взимать проценты со всяких кредитных сделок. В Ватикане появляется тень ростовщика. В ростовщические сети попадают прибывающие за утверждением папы епископы и архиепископы; тревога о близком наступлении срока уплаты по обязательствам охватывает как папу, так и других высших представителей духовной власти, и светские лица купеческого происхождения снабжаются специальными полномочиями

для проведения в жизнь репрессивных мер по отношению к провинившимся епископам, — провинившимся в смысле неуплаты в срок взятой им ссуды.

Вооруженный охранительной папской грамотой, удостоенный папою звания своего человека (*familiaris*), снабженный буллою об устранении от должности неаккуратного духовного плательщика, римский купец неотступно следует по пятам за вновь назначенным епископом, чтобы наложить руку на его доходы и чтобы обеспечить себе выданную еще в Риме ссуду, гарантированную честным словом самого папы. Путешествие это купец старается использовать в своих интересах, приурочивает срок епископского платежа ко времени открытия ярмарки и заставляет должника платить следуемые с него деньги на ярмарке, когда купец нуждается в значительных средствах. Так ярмарочные дни из торжества превращаются для многих епископов в дни уплаты по обязательствам, и епископ свыкается с мыслью, что его жизнь, с благоволения курии, тесно переплетается с купеческою, с заботами об уплате денег в наиболее оживленные торговые моменты. Открывая торжество ярмарки, епископ с амвона спускается в гущу купеческой толпы, чтобы там умолять назойливого кредитора об отсрочке платежа до следующей ярмарки или до более счастливого времени. Имевшиеся в кармане кредитора репрессивные буллы менее всего способствовали смягчению требований кудца, и епископ, отдавая ему часть своих доходов, подписывал новые обязательства, платил проценты и кренче затягивался в петлю римского

купца. Впрочем, последний не был монополистом в деле снабжения деньгами приезжавших в Рим на предмет утверждения в сане духовных лиц: папская гарантия верной уплаты по епископским обязательствам была слишком заманчива, чтобы ею брезгали не-римские купцы, а известие о прибытии в Рим говозначенного епископа вызвало слет многочисленных услужливых кредиторов разных городов Италии: с Римом стали конкурировать Сиена, Флоренция, Лукка, Бари и Генуя.

Но угроза отлучения от церкви неоплатных должников духовного звания, повидимому, считалась итальянскими купцами не совсем еще достаточной гарантией возврата ссуд, и папа делает ответственным за долги епископов и аббатов весь их капитул, равно как их преемников. На этой почве происходили иногда резкие столкновения между капитулом и его главою: так, от вернувшегося в 1364 г. из Рима мюнстерского епископа Флоренца капитул потребовал, чтобы он уплатил все свои долги, заключенные в курии, из своих частных средств для того, чтобы капитул был уверен, что ему не придется иметь дело с епископскими кредиторами. С другой стороны известен такой факт: капитул не допускал в 1376 г. бреславльского епископа к занятию должности, так как между капитулом и кредиторами бывшего епископа был заключен договор, в силу которого ежегодно кредиторам уплачивалось восемь тысяч гульденов из доходов капитула до тех пор, пока будет вакантен епископский престол. Повидимому, сделка эта была выгодна капитулу, и он вел саботажную политику

по отношению ко вновь назначаемым епископам *). Иногда за заключенную в Риме сделку ответственным являлся также и соседний капитул либо его глава или духовенство. Так, в 1244 г. Иннокентий IV снял отлучение от майнцского архиепископа за неуплату им долгов своего предшественника, но зато кельнский архиепископ обязался вносить ежегодно тысячу марок, а духовенство обоих архиепископств должно было уплатить $\frac{1}{5}$ своего дохода. К этому делу было привлечено и льежское духовенство, внесшее по приказу папы три тысячи марок. Точно также регенсбургскому епископу угрожали отлучением от церкви за неуплату ссуды, полученной в свое время епископом Бамберга.

Помимо утверждения епископов и аббатов в их звании, римская курия имела ряд резервных мест, куда она имела право назначать епископом и аббатом кого угодно без соблюдения обычных правил избрания. Эти назначения также являлись для курии источником дохода, так как резервными местами торговали совершенно открыто: они доставались, по выражению летописца Иоанна из Гоксена, тому, кто через базарных крикунов предлагал самую большую сумму. Этим объясняется приток пришлых, иностранных элементов на резервные места. Так, в 1240 г. в Англию явился из Рима папский легат, у которого на руках был список из 300 итальянцев, которые должны были занять все

*) A. Gottlob, Die päpstlichen Darlehensschulden des XIII Jahrhunderts, Histor. Jahrbuch, XX.

вакантные резервные места *). Из дохода 1253 г. от английских духовных должностей на долю иностранцев выпало 70 тыс. марок; в Ворчестере, напр., епископская кафедра четыре раза подряд находилась в руках итальянцев. Соборы неоднократно жаловались на это и приводили доказательства порчи нравов духовенства от наплыва иностранных авантюристов, нисколько не связанных с интересами паствы и ее нуждами; но курия оставалась глухой ко всему этому, и папы твердо защищали необходимость сохранения за собою резервных мест, обильно питавших римскую кассу. В сравнении с «резервами» ничтожны были доходы, достававшиеся Риму от выдачи вновь назначаемым архиепископам так называемых паллиев, т. е. белых шерстяных воротников, одевавшихся сверх платья в виде публичного засвидетельствования особой милости папы к данному лицу. Постепенно к ношению паллия стали принуждать: так, архиепископ трирский Генрих был смещен в 1265 году за то, что отказался получить паллий и снова был допущен к своей должности лишь после того, как уплатил очень значительную сумму за свой паллий. Цена на последний становилась с течением времени все более и более твердой; а в XIV^в веке сплошь и рядом за паллий уплачивалось до 5000 гульденов. Курия и тогда заставляла даже дважды и более покупать паллий, находя тот или иной к этому повод. Поступления от паллиев не пред-

*) Tindal, *Rémarques historiques et critiques sur l'histoire d'Angleterre*, 1733.

ставляли собою определенной суммы и обозначались в курви случайными доходами, ежегодно поступающими, подобно таксе за утверждение епископов, в разных размерах — не очень, правда, значительных, но все-таки не подлежавших пренебрежению со стороны папы.

К числу случайных доходов относились также аннаты. Так назывался установленный папою Иоанном XXII взнос с каждого нового духовного лица в размере его дохода за первый год исполнения им новой должности; исключение делалось лишь для тех, доход которых не превышал 24 золотых гульденов в год. Как значителен был этот источник доходов, видно из того, что майнцское архиепископство за один только год в середине XV столетия собрало 175 тысяч гульденов, а епископы Любека, Шверина и Рагценбурга свидетельствовали, что под продуктами первого года (*fructus medii temporis*) римские представители часто разумели и всякие пожертвования, а также подарки, случайно достававшиеся новому лицу в течение первого года его службы, и под угрозой церковных кар требовали их для римской курии. Перенесение ленных отношений на церковную иерархию объясняло аннаты как переход всякой освободившейся доходности к сюзеренному владельцу всех церковных должностей, и новое лицо платило обычное право за занятие должности. Папа иногда широко толковал годовой доход, и аннаты взимались в двойном и даже тройном размере; кроме того, частая вакантность всякого рода мест была курии

62662-1166

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
И. И. ВЕРМЕСИ
Свердлов

И. И. ВЕРМЕСИ
Свердлов

очень выгодна, и она сильно этим злоупотребляла, как об этом свидетельствовали жалобы, раздававшиеся особенно сильно на Констанцском соборе.

II.

Более постоянным источником доходов курии были налоги. Первым по времени налогом была так называемая лепта Святого Петра (*denarius Petri*). О ней упоминает уже папа Лев III (795—816 гг.) в письме к английскому королю Арнульффу, предшественник которого король Оффа будто обещал платить папе ежедневно по одной манкузе (золотая марка) на покупку церковных свечей и в пользу римских бедняков; обещание это Оффа дал не только от своего имени, но и от имени своих преемников. В 794 г. Оффа предпринял поездку в Рим, где устроил убежище для английских пилигримов, на содержание которого король обещал взимать ежегодно по одному денарию с каждого англичанина, владеющего определенным земельным участком. Стал ли поступать со времени Оффы в папскую казну этот доход правильно и без перерывов, сказать трудно; во всяком случае в царствование Альфреда Великого сбор лепты Св. Петра действовал уже регулярно, и король Альфред вступил даже в переговоры с датским завоевателем, чтобы и его подданные английского происхождения продолжали платить папе установленную лепту. На пер-

вых порах для курии предназначалась лишь одна часть лепты, другая часть уходила на содержание английского убежища-школы в Риме. Григорий VII (1073 г.) не пожелал делить этого источника дохода и определил, что сумма полностью должна поступать в пользу курии, причем сбор ее был возложен на светскую власть, руководившуюся следующим правилом: с каждого дома, собственник коего обладает имуществом свыше 30 денариев, ежегодно взимается один денарий; живущие в Англии датчане, равно как жители городов и укрепленных мест вносят по денарию с имущества, превышающего 15 денариев. Повидимому, нелегко было наладить налоговый аппарат, и курия стала отдавать лепту в откуп английским епископам, обязавшимся ежегодно отправлять в Рим 299 марок. Откуп оказался очень выгодной доходной статьей для епископов: папа Иннокентий III установил, что епископы оставляют себе свыше тысячи марок, и потому поручил своим легатам принять должные меры к правильному взысканию лепты. Однако, епископы противились всякому надзору курии в этой области и отрицали, что лепта неправильно отсылается в Рим.

Обжегшись на английском откупе, папы сделались более осторожными и ввели в Уэльсе и Ирландии иную систему: обложению попрежнему подлежали обладавшие свыше 30 денариев, но собранная сумма, переменная и текучая, предназначалась целиком для отправки в Рим. Папы вскоре исправили свою «английскую ошибку». Когда Иоани Безземельный признал себя вассалом рим-

ской курии, то должен был обязаться, сверх ленты, платить папе ежегодно 700 марок в виде чрезвычайного налога с Англии и 300 с Ирландии. Бурья отнеслась к этому обязательству с надлежащей серьезностью и следила, чтобы эта сумма полностью поступала в кассу: так, в 1237 г. папа напомнил английскому королю, что согласно отчету за прошлый год за ним остался долг в сто марок, который должен быть неукоснительно и незамедлительно внесен. Напоминания эти не всегда помогали, но курия вела точный счет недоимкам, и король Эдуард III получил требование об уплате сразу 30 тысяч марок, скопившихся вследствие неаккуратности его предшественников. По примеру Англии лепта Святого Петра была установлена и для Швеции, где платить будто следовало «не столько папской пользы ради, сколько во имя спасения шведских душ (*non tam ad nostram utilitatem, quam ad salutem animarum Sueciae*)», и так как душою обладали лица, располагавшие и ничтожным имуществом, то лепта стала приобретать характер подушной подати (*de denario a quolibet humano capite exigendo*). Швеция и в другом отношении опередила Англию: папа с самого начала отказался в Швеции от системы откупов и требовал здесь полной суммы, собранной со всех шведских душ. Точно таким же образом поступал папа в отношении Норвегии, где каждый молящийся (*qui eucharistiam accedit*) должен был платить денарий, который мог быть заменен в виду бедности страны каким-либо продуктом. Широко практиковалась натуральная повинность в Исландии, платившей вместо

денария локоть сукна. Богатая Дания не могла рассчитывать на подобную поблажку, ибо она считалась до известной степени вассалом папы или, по старинному выражению, позоровала к папской курии (*ad Romanam ecclesiam spectat*).

Обложены были лептой также Польша, Испания, отдельные провинции и города в разных странах Европы, не считая множества церквей и монастырей, а также отдельных лиц, дававших от своего и от имени потомства обет влатить во веки веков ежегодную лепту Св. Петра. Однако, Франция и значительная часть Германии были свободны от этого налога, в общем слишком недостаточного для покрытия огромных требований папской курии, и последняя рядом с этим постоянным налогом ввела чрезвычайные налоги, в первую очередь крестовый, предназначавшийся для защиты и борьбы креста против мусульманского полумесяца *). Налог этот толковался часто в очень распространительном смысле, и не только мусульмане, но и всякие противники папы обозначались позорным именем христовых врагов, для искоренения которых необходимы специальные средства, дать которые мог лишь чрезвычайный крестовый налог. Так, в 1183 г., когда папа Люций III имел спор с враждебной ему римской партией, он потребовал от английских епископов $\frac{1}{10}$ их доходов на борьбу с врагами Христа, и епископы просили короля

*) Ad. Gottlob, Die päpstlichen Kreuzzugssteuern des XIII. Jahrhunderts, 1892.

разрешить им внести сразу эту сумму для того, чтобы не дать папе повода превратить этот налог в «обычный». На крестовые деньги велась борьба курии против императора Фридриха II, а также короля Альфонса Арагонского и т. д.; нередко цель крестового налога вообще не указывалась: так, в 1229 г. провозглашена была в Англии чрезвычайная безымянная десятина, а в 1240 г. папа повторил этот опыт с большим успехом, что дало ему основание прибегнуть к этому средству в Германии в 1283 и 1287 годах. Налог этот был чрезвычайно тяжелым, ибо он взимался по возможности без отсрочки и без милосердия (*absque dilatione et misericordia*) и требовал внесения сразу части ежегодного дохода, умноженной на несколько лет. Так, в Баварии в 1283 г. был провозглашен шестилетний десятинный крестовый налог, и ради него Регенсбург вынужден был заложить у евреев кафедральные драгоценности. Авансовый характер налога не мешал, однако, его повторному функционированию в течение короткого времени: так за период от 1246 г. до 1257 г. Англия подвергалась шесть раз крестовому налогу, всякий раз очень тяжкому, пока, наконец, папа во избежание новых экспериментов не потребовал круглой суммы в 135½ тыс. марок сверх полученных им десятин.

В связи с борьбой против мусульман возник очень характерный для курии налог. Папа Александр III (1159 — 1181 гг.) под страхом конфискации имущества и обращения в рабство запретил продажу оружия мусульманам; вскоре запрет этот распространился на целый

ряд других предметов и остался в силе даже после крестовых походов. Итальянские города, страдавшие от этих репрессий по отношению к иноверцам, фактически стали вести с ними торговлю, но в искупление греха часто оставляли в своих завещаниях значительные суммы в пользу церкви. Наследники, опираясь на разъяснения венецианских теологов, не считали себя связанными этими завещаниями, и папа Иоанн XXII стал угрожать анафемой Венеции, если она не будет исполнять приказаний курии. Начались продолжительные переговоры, закончившиеся ежегодной контрибуцией в 990 дукатов за ведение торговли с мусульманским Востоком. Впоследствии протестанты были приравнены к туркам и сарацинам, и папы еще в конце XVI века угрожали венецианцам привлечением к инквизиционному трибуналу за торговлю с не-католиками, если в кассу курии не поступит необходимая искупительная сумма. *) Такие суммы очищали от всяких грехов и давали папам возможность разрешать почти все, что угодно: ибо «велика власть папы в области освобождения от грехов (*major est potestas papae in dispensando*); без всякого даже мотива он может разрешить то, что запрещено каноническими законами (*papa dispensat quod contrahatur contra legem canonicam etiam sine causa*), а с мотивировкой и то, что запрещают божеские законы (*contra legem divinam cum causa*)».

*) Depping. L'Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe, 1830.

К каким результатам могло вести мотивированное и немотивированное право разрешать всякие поступки и преступления, ясно само собою: даже с высоты папского престола не отрицалось более, что богатые могут получить утешение в своих грехах, а бедные лишены этой возможности, ибо они не обладают средствами для своего искупления (*dispensationes non conceduntur pauperibus, quia non sunt, ideo non possunt consolari*). Так, лишивший девственницу целомудрия, совершивший акт прелюбодеяния в церкви, нарушивший присягу и давший на суде ложное показание будут «утешены», если внесут в пользу курии шесть грошей; духовное лицо, убившее своего отца, мать, брата или сестру, вносит для утешения семь грошей, но устраняется от должности. Закоренелые воры, грабители, ростовщики и лица, всякими недозволенными средствами набившие себе карманы, должны сговориться с курией (*componere super male ablatis bonis*) относительно той части, которая уступается ей для того, чтобы оставшаяся часть сделалась законным владением отныне уже бывшего грабителя, освобождающегося даже от раскаяния и причастия (*non requiruntur contritio et confessio*), ибо папа очищает не только от наказания, но и от вины (*a poena et culpa*); и недаром Климент VI приказал ангелам рай переправить немедленно души очищенных им людей из ада в рай (*mandamus Angelis Paradisi quatenus animam illius a purgatorio penitus absolutam in Paradisi gloriam introducant*). Мало того, очищались не только совершенные преступления, но и

задуманные и даже лишь возможные в близком и далеком будущем, и своеобразная амнистия, распространяющаяся на прошлые и будущие преступления, покрывала христианский мир во имя пополнения папской казны. В особенно торжественные минуты провозглашалась массовая, всеобщая амнистия: так, в 1300 г. Бонифаций VIII обещал смыть грехи всем, которые явятся в Рим отпраздновать юбилейный год; в Рим устремились пилигримы не только из Европы, но и из Азии: по словам Джованни Виллани, на торжество в Рим прибыло 200 тыс. человек, и на Рождестве 1300 г. папская столица насчитывала около двух миллионов населения. Все они платили искупительные суммы, которые так пришлось по вкусу курии, что Климент VI решил праздновать юбилейный год не каждые сто лет, а каждые 50, позднее даже каждые 25 лет. Кто не мог прибыть в Рим, имел возможность очистить себя от грехов путем уплаты половины расходов, связанных с путешествием в римскую курию. Так папство измышляло всякого рода источники доходов и вводило все новые и новые налоги, которые, отягощая христианский мир, обогащали курию.

Такая финансовая политика в силу своей грандиозности и мощности предполагала существование в высокой степени совершенного налогового аппарата, действовавшего без перебоев на протяжении почти всей Европы и дававшего результаты в соответствии с поставленными задачами. И Рим действительно рано стал заботиться о налажении такого пресса, коим он мог бы давить на подчиненное ему население в видах постоянного снабжения курии

необходимыми средствами. Превратить духовенство в колесики этого аппарата Риму казалось не всегда удобным: каноники в огромном большинстве случаев не имели достаточной финансовой сноровки и, кроме того, были слишком децентрализованы, чтобы можно было из них создать правильно функционирующий и всегда готовый действовать аппарат. И римский купец, как при обложении епископов при их утверждении, стал тем связующим звеном, без которого папская курия не обошлась в процессе создания своего обширного и разветвленного финансового насоса, выкачивавшего из населения все нужные курии средства и отправлявшего их по назначению в Рим. Купец этот и без того имел финансовые дела с курией, отправлялся во все концы Европы для взыскания с духовных лиц следуемых ему денег, стал своим человеком (*familiaris*) у папы, авансировал ему известные суммы и был заинтересован в правильном поступлении в папскую кассу всяких налогов и взысканий. Что удивительного в том, если купец этот превратился в собирателя взносов папы, и что из итальянских купцов был образован специальный институт сборщиков, известный под именем коллекторского?

III.

Коллекторы. Деньги не пахнут. Но средневековое знало слишком большое разнообразие денежной валюты, чтобы курия, отовсюду высасывающая свои денежные ресурсы, мирилась с пестротой

монет разнороднейшего характера и достоинства. К чему было, напр., копить курии чешские или польские монеты, нигде, кроме родины, не имевшие хождения? И Рим нуждается в специальных менялах, которые до отправки в курию собранных с христианского мира сумм сводили бы их к одному знаменателю, к одной денежной единице, к золоту определенного веса. На сцену выступает профессионал - весовщик (*ponderator*), специалист - счетчик (*numerator*), мастер профирного искусства (*elector*), которые, действуя вместе, являются необходимыми помощниками искушенного в своем деле менялы. Для выполнения подобных функций мог годиться лишь опытный международный купец, и Италия, ведшая благодаря своему средиземноморскому положению широкую международную торговлю, стала снабжать римскую курию своими купцами, нередко совмещавшими торговлю с чисто денежными, банкирскими операциями. Так церковь, жившая идеологией средневековья, практически рвала его тень и вызывала к жизни враждебные средневековью силы.

Но мало было получить однородную монету; ее необходимо было переправлять в Рим, — и улучшение транспорта входит в программу деятельности курии. Разумеется, транспортные затруднения в те времена не исчерпывались плохим состоянием путей сообщения и отсутствием международных проторенных дорог, а заключались и в том, что все пути кишели разбойниками и грабителями, с особенным нетерпением поджидавшими купцов с их нагруженными золотом и товарами возами.

Нападения на купцов были в Средние века обычным явлением, и курии предстояла и в этом отношении большая работа. Так везде и повсюду она делала большое культурное дело, исходя прежде всего из своих материальных интересов, пускавших ростки далеко вглубь Нового времени. Своих купцов — *mercatores camere* — она рассылала по всей Европе; им поручала самые сложные операции и ставила им задачи, превосходившие силы обычной хозяйственной жизни. Коллекторы - купцы, скопившие немалые запасы натуральных взносов, поступавших из наиболее бедных стран, подчиненных папе, не могли, разумеется, переправлять эти товарные массы за Альпы по адресу курии и вынуждены были их ликвидировать на ярмарках или где-либо в ином месте. Задача эта превращала коллекторов, пускавшихся в путь из Рима иногда ради одних лишь денежных операций, в оптовых, крупных купцов, торговавших одинаково как деньгами, так и товарами. Втягиваясь все более и более в крупные дела, папские представители из итальянских купцов стали открывать во многих местах Европы отделения для своих торгово-денежных операций, организовывать товарищества и сокращать по мере возможности отправку денег в Италию, ограничиваясь приказами своим представителям выплачивать курии те суммы, которые они сами успели инкассировать в разных углах христианского мира за вычетом, разумеется, той прибыли, какая им полагалась за их содействие в деле организации сбора папских денег. Так все более и более осложнялась и развивалась экономическая жизнь

средневековья, толкаемая из далекого Рима, где задавались широкими политическими и духовными планами, требовавшими для своей реализации больших денежных средств, доставлять которые старым, средневековым путем было слишком трудно. Сила, в духовной области наиболее реакционная, была в области практической жизни наиболее революционной, и руки, зажигающие костер для еретиков, нередко освещали человечеству путь к культуре и к прогрессу. Так зачатие новой жизни совершается в темноте глубокой ночи...

Когда в Германии, согласно постановлению второго Лионского собора (1274 г.), был введен крестовый десятинный налог, его сбор был поручен купцам из Пиаченцы и Пистойи *), к которым вскоре прибавились представители и из других городов. Папа Мартин IV (1281 — 85) отдал распоряжение, чтобы вся десятинная сумма была вручена купцам из Флоренции, Сиены, Лукки или Пистойи, которым надлежало переправлять ее флорентийской фирме Спиглати-Спина. Следующий за ним папа указал также на фирмы Фрескобальди, Амманати, Аббати и Бакарелли. В 1295 г. Бонифаций VIII предписал трирскому архиепископу приказать всем сборщикам крестового налога предоставить деньги в распоряжение обществ Спина, Моцци и Киаренти.

*) Al. v. Schulte, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs, 1900. — Schneider, Die finanziellen Beziehungen der Florentinischen Bankiers zur Kirche, 1899 (в Forschungen Mommsens, т. XVII). Kirsch, Die päpstlichen Kollektoren in Deutschland während des XIV Jahrhunderts, 1894 (III-й том Görres Gesellschaft).

Ранее Германии итальянские купцы в роли коллекторов и денежных пособников папской курии появились в Англии, Франции и Испании. Последняя была целиком предоставлена фирме Киаренти, которая имела отделения во многих местах Испании, а также в Ниме, Монпелье, принадлежавших тогда Испании.

Некоторые французские коллекторы употреблялись папою одновременно и для Германии, и представители торговых обществ Моцци, Спини упоминаются сразу в нескольких странах. С другой стороны, некоторые папы стремились к самой интенсивной концентрации дела сбора и поручили итальянскому дому Шульчи, имевшему свою главную контору в Брюгге, быть центральным пунктом не только для Фландрии, но и для всего севера Европы, включая сюда и Англию. Впервые своими агентами сделал итальянских купцов папа Григорий IX (1227 — 1241), который имел дело преимущественно с купцами из Рима и Сиены. При его преемнике Иннокентии IV исключительное влияние приобрел сиенский дом Буонсиньори, с которым лишь несколько позже стали успешно конкурировать две других сиенских фирмы Толмеи и Доменичи. Вскоре Сиена встретила опасных соперников в лице флорентийцев, которые разбросили целую сеть агентурных отделений своих банкирских домов и поставляли лучшие кадры коллекторов.

Общее богатство Флоренции и ее обширные торговые связи немало также способствовали тому, что флорентийские фирмы вытесняли из курии купцов других итальянских городов; лучшая флорентийская мо-

нета — полновесный флорин (*florino d'oro*), с 1252 г. занявший преобладающую роль в международной торговле, привлекал к себе особое внимание курии, естественно предпочитавшей иметь дело с теми, у которых на руках были настоящие флорины, а не фальшивые и малоценные монеты, имевшие ограниченное хождение. Так Флоренция стала излюбленным местом финансовой деятельности папства, и ее купцы действовали от имени курии и считались ее представителями, — *mercatores papales* почти обычное прозвище флорентийских купцов. Они были опытные и всегда доставляли в Рим монеты самого лучшего качества, чего нельзя сказать о других коллекторах и купцах, чьи деньги приходилось по временам сплавлять с большими затруднениями и задержками, так как их никто не хотел принимать в виду их неполновесности и плохой чеканки.

Широкие планы папства, его стремление играть роль гегемона в христианской Европе должны были побуждать курию иметь всегда на-готове необходимые средства, и уже в XII веке можно констатировать заботу папы о *thesaurus*, т. е. о кассе, в которой хранятся не только монеты, но и всякие драгоценности, легко в случае нужды реализуемые. Главный кассир, под именем *thesaurarius* или *camerarius*, выдвигается на первый план и становится важнейшим лицом в курии. Так как папа вмешивается во внутренние дела всех европейских государств и поддерживает то одну, то другую партию, ему везде нужны наряду с легатами и агентами также и деньги, для чего им устраивались повсеместно депозит-

ные кассы, из которых курия черпала средства для проведения на месте того или иного плана. На первых порах, однако, пополнение папской кассы шло крайне туго, и Григорий IX и Иннокентий IV жаловались на отсутствие звонкой монеты, в 1253 г. в разгаре борьбы за Сицилию Иннокентий IV сделал специальный заем, мотивировав его тем, что papa thesaurum non habet (у папы нет наличных денег); правда, преемникам его удалось накопить не мало денег (*multa reposita*), но вследствие продолжительной борьбы с Гогенштауфенами деньги быстро ушли, и Климент IV с горечью говорил, что «у него в кассе совсем ничего нет, и что он не может создать себе капитала тем путем, каким иные его создают» *). После Климента дела курии поправились: в кассе опять появилось много золота, так как повсюду энергично действовали коллекторы, собиравшие на дело помощи святой земле (*pro succursu terrae sanctae*) и отсылавшие все наличие в папскую казну. Однако, деньги эти были израсходованы Мартином IV преимущественно на борьбу с римлянами, и касса к 1285 году оказалась снова почти совершенно пустой. Только необыкновенные финансовые способности Климента V и Иоанна XXII поставили папскую кассу на должную высоту. В своем завещании, составленном в 1312 г., Климент распоряжается суммою в 814 тыс. золотых флоринов; душеприказчиком он назначает своего

*) Gottlob, Päpstliche Darlehensschulden des XIII Jahrhunderts, Görres-Gesellschaft, т. 20, стр. 668.

племянника Го де Ломаня, указывая ему пожертвовать на крестовые походы 300 тыс. флоринов, на благотворительные дела 200 тыс., а друзьям и родственникам выдать 314 тыс. Остаток же в 70 тыс. флоринов предназначался для преемника Климента и не входил в ту сумму, которую он «свободно распоряжался». Если завещание это вызвало справедливое негодование курии, то с другой стороны оно свидетельствовало о значительной мощи папской казны: флорин равнялся современному 10 золотым германским маркам, а стоимость денег в то время была приблизительно в пять раз больше нынешней. При таком расчете Климент имел в наличности, не считая разных драгоценностей, свыше 44 миллионов марок. За время, протекшее от завещания Климента до его смерти, средства папской кассы еще возрасли, и папа оставил свыше одного миллиона флоринов. В XIV веке доход курии более или менее стал определяться: он доходил до 300 тыс. флоринов, превосходя обычно вдвое ее расходы. Разумеется, бюджет сильно колебался в годы значительных доходов и столь же значительных расходов, когда папа в связи с каким-либо крупным событием, требовавшим его вмешательства, провозглашал новый, чрезвычайный налог *). Особенно разрослась папская казна при Иоанне XXII, о котором ватиканский библиотекарь Эрле в своей «Historia bibliothecae Pontificum» (1889 г.) говорит, что он всю силу своей интеллигентности, прозорливости и великодушия напри-

*) E. Münz, Revue des Questions Historiques, 1899, t. 366.

вил к тому, чтобы передать своим преемникам дворец свой, наполненный деньгами и другими богатствами. Удалось ли это в полной мере Иоанну? На этот вопрос раньше отвечали ссылкой на пресловутое заявление флорентийского историка XIV века Джованни Виллани, гласившее, что после смерти этого папы в его кассе осталось 25 миллионов, — 18 наличными деньгами и разных драгоценностей на семь миллионов флоринов. Цифры эти подверглись всестороннему рассмотрению Эрле, Зэгмюллером и многими другими и должны быть признаны преувеличенными: Иоанн XXII действительно оставил много денег, но они должны исчисляться не в десятках миллионов, а в простых миллионах того времени, которые, правда, на золотые деньги нашего времени дадут в результате десятки миллионов, тем более, что покупательная сила золота в XIV веке была гораздо значительнее современной *).

Но как ни велики были денежные ресурсы папской курии, последняя часто оказывалась в затруднительном положении вследствие того, что не могла быстро мобилизовать свои капиталы, хотя внезапность политических перемен нередко этого требовала. Этим объясняется, почему папы непрерывно пользовались услугами тех купцов, которые имели с ними коммерческие дела: папы обращались к ним не только как к коллекторам, но и как к кредиторам и делались их постоянными должни-

*) Sägmüller, Historisches Jahrbuch, VI (Görres-Gesellschaft).
Ehrle, Fr. Der Nachlass Clements V, Archiv für Literatur und Kirchengeschichte, V.

камн. Уже пятый, так называемый египетский, крестовый поход оказался не по средствам папе Гонорию III, несмотря на то, что он ввел специальный крестовый налог и принял чрезвычайные меры к взысканию его полностью без всяких недоимок *). Деньги поступали в казну сравнительно медленно и во всяком случае далеко отставали от той быстроты, с которой развивались события. Гонорий жаловался, что в нужный момент он оказывается без средств и вынужден ради оказания помощи святой земле (*subsidium terrae sanctae*) прибегать к частым ссудам (*propter quod tenemur debitis obligati*). Положение ухудшилось, когда началось подавление на юге Франции альбигойской ереси: папа должен был располагать необходимыми средствами и предписал епископам Реймса, Буржа и Санса установить специальный налог и взыскать его в тройном размере из расчета на три года вперед. Епископы указали на трудности такого налога, которое население фактически должно было авансировать, и просили отсрочки; но Гонорий не мог пойти навстречу этому ходатайству и указал на срочность (*sine mora*) налога, поставив епископам на вид необходимость обращения за деньгами к каким-либо кредиторам, которым в обеспечение можно будет выдать часть собранного налога. Еще в больших размерах к ссудам прибегал Григорий IX во время борьбы с Фридрихом II, когда папе пришлось организовать специальные отряды для вторжения в Сицилию. Он, впро-

*) Fabre, *Mélanges d'archéologie*, X, 1890.

чем, не ограничивался ссудами и брал также с покоренных городов контрибуцию: так, Аматерно и Форкона уплатили 11 тысяч золотых унций сверх того, что на свой счет обязались вновь построить городские укрепления и стены. Но дальнейшая борьба требовала громадных расходов, и хотя французские и английские епископства обещали прислать необходимые деньги, папа, однако, вынужден был обращаться к ростовщикам из сословия итальянских купцов, и заложил у них, в виде обеспечения, доходы от своих владений, в первую очередь от герцогства Беневента *). Когда наступил через полгода срок платежа, и у папы не осталось денег, пришлось умолять христианский мир прийти на помощь Григорию IX; 23 французских монастыря прислали по тысяче турнуаских марок, лаонский монастырь св. Мартина дал две тысячи, столько же дали ордены тамплиеров и госпитальеров. Но и этого оказалось недостаточно: был провозглашен в Англии чрезвычайный налог в размере $\frac{1}{20}$ доходов, а на соборе 1240 г. в Санлисе французские прелаты в виду „большой нужды церкви (pro majori ecclesie necessitate)“ ассигновали папе специальную сумму. Благочестивый мир напряг все усилия, чтобы выручить Григория, и, тем не менее, когда он умер, римским купцам-ростовщикам все еще следовало 60 тыс. марок. Купцы несколько не были в претензии на курию: они аккуратно получали все, что выговаривали во время заключения сделок, и понимали, насколько выгодно им

*) Joseph Felten, Gregor IX, 1886.

становиться под высокую руку папы. Прежние сторонники императора массами переходили в лагерь папы и стали составлять лучшие кадры гвельфской, папской партии *). Через два года после смерти Григория IX купцам следовало уже 150 тыс. фунтов, не считая процентов, которые равнялись самому капиталу. Иннокентий IV горько на это жаловался и указывал, что касса его совершенно истощена (*exhausta*); мало того, она обременена громадными долгами (*maximis debitis obligata*), а кредиторы страшно назойливы, и папе, по словам летописца, приходилось от них даже прятаться. Несмотря на это, папа брался за дорогие начинания: вел по-прежнему борьбу против Гогенштауфенов, втянулся в новый крестовый поход, потребовавший в год 380 тыс. турецких фунтов, в не останавливался пред иными дорогими предприятиями. На покрытие этих расходов Иннокентий одолжил 10.000 серебряных марок и столько же золотых унций, обеспечив ссуду своими доменами и замками в Анконе, Сполето, Кампании и в Приморской области, а также в собственно Папской области. Через несколько лет пришлось опять обращаться к кредиторам, так как поддержка папою Карла Анжуйского поглотила массу средств: Иннокентий рекомендует епископам брать новые деньги под проценты, не считаться с их высотой (*sub gravibus usuris*) и побуждает поступать таким же образом и Карла Анжуйского, указывая ему на необходимость заложить часть собственного имущества. От

*) I. Felten, цит. соч., стр. 333—334.

взоров папы не могло исчезнуть и то обстоятельство, что его личный кредит сильно пошатнулся в глазах итальянских купцов; а потому необходимо было временно придумать иные источники дохода, — это он и рекомендует епископам и Карлу Анжуйскому.

Финансовые затруднения были, однако, слишком велики, и папа искал выхода из критического положения: быть может, это способствовало тому, что Иннокентий и в особенности Александр IV стали выдвигать на сицилийский престол английского принца Эдмунда, — во всяком случае Англия должна была предоставить в распоряжение курии значительные суммы, при чем деньги ссужались всеми желающими (*a quibusque mutuae volentibus*); с своей стороны, король Англии взял на себя все долги, связанные с экспедицией в Сицилию, и ко дню Михаила 1256 г. должен был внести 135541 марку. Так как король не исполнил этого обязательства, то дела Александра IV были из рук вон плохи, и в письме к королю он жаловался, что не имеет покоя от кредиторов: «купцы, давшие нам деньги, — писал папа, — своими постоянными и несвоевременными претензиями надоедают нам, мучают нас и нудными жалобами раздражают». Король, повидимому, не ответил на письмо Александра, и последний вторично указывает ему, как много потрачено было денег на Сицилию, и как он страдает от неуступчивых и назойливых купцов. Король спешит успокоить его обещанием внести за него 80 тыс. марок, но проходит срок, а денег от короля не поступает, и Александр ведет новые, бесконечно дол-

гие переговоры с итальянскими купцами-ростовщиками. Отныне папские аппартаменты наполняются римскими, сиенскими и флорентийскими кредиторами; их в первый же день избрания на пост должен принять Урбан IV. Он оказался, впрочем, далеко неподатливым должником и энергично заявил, что не будет платить процентов, а лишь только основной капитал; мало того, римским купцам было сказано, что они сверх капитала (*ultra sortem*) уже получили раз 30.000 фунтов, а потому им более не будет выдано ни одной копейки. Заявление это отразилось печально на делах самого папы: никто не хотел с Урбаном иметь денежных дел, и лишь два купца из Сиены согласились выдать ему небольшую ссуду, повидимому, беспроцентную. Однако, в папскую кассу в это время стекалось много золота от налогов, и его преемниками констатировано, что у Урбана было много наличных денег или, по обычному тогдашнему выражению, *multa reposita*, из которых вскоре было выдано 200 тыс. фунтов на войну против Манфреда, сына императора Фридриха II Гогенштауфена, не считая других очень крупных выдач. Откуда Урбан получил столько денег? Единственное предположение сводится к тому, что сиенские торговые фирмы, в числе 13, которые были всегда на стороне Манфреда, примирились после поражения последнего с папой и в знак примирения должны были внести Урбану значительную сумму денег. Имел ли после этого с «раскаявшимися и примиренными» какие-либо денежные дела Урбан, установить трудно, но тот факт, что все они имели отделения в разных местах Франции

(in partibus Franciae), находившихся в оживленных сношениях с курией и снабжавших ее коллекторскими и пными суммами, заставляет думать, что Урбан продолжал дружить с бывшими сторонниками Манфреда. Преемник Урбана Климент IV отличался большою щепетильностью в отношении кредиторов и собирался одному лишь сиенскому дому Буонсиньори уплатить свыше 90 тыс. фунтов; он предписал даже своему главному коллектору во Франции принять все меры к тому, чтобы к сроку всем кредиторам полностью были внесены взятые у них деньги и чтобы, в случае невозможности удовлетворения всех претензий из средств десятинного налога, был сделан специальный заем; папа не хотел иметь никаких долгов и предполагал, чтобы на поглощавшую столько денег Сицилийскую кампанию отныне заем делался от имени короля, которому и надлежало закладывать в виде обеспечения свое имущество. Но король оказался некредитоспособным, и папе пришлось снова прибегнуть к ростовщикам. Нельзя сказать, что кредитоспособность курии всегда была очень высока: в XIV веке папа платил 3% ежемесячных или 36% ежегодных; папа Климент IV за два месяца уплатил десять флоринов процентов за сумму в 200 флоринов, что составляло 30%. Иногда папе отказывали в ссуде под любые проценты и требовали залога в виде драгоценностей и другого движимого имущества. С этим недоверием к себе папы боролись путем усиленного подчеркивания, что всякого рода ссуды делаются курией не только от имени данного папы, но и от всех его преемников. И нужно ска-

зять, что в Средние века папы были гораздо более аккуратными плательщиками, чем короли и князья, и только полсеа антипап внесла расстройство в долговую систему папской курии и значительно подорвала ее кредит.

Из крупных папских кредиторов назовем фирму Скотти Доминичи из Сиены, с которой особенно частые дела имел папа Александр IV; официально он их называл своими купцами (*mercatores*) или менялами (*campsores*). Скотти Доминичи сильно пострадали, когда Урбан IV отказался платить следуемые им проценты. Вместо них первым папским кредитором стал сиенский дом Буонсиньори, имевший множество отделений и присвоивший себе титул *familiaris*. Благодаря обширности своих оборотов и большой известности, фирма эта стала обозначаться под именем «Большого Сиенского Стола» (*Major Tabula Senensis*) без указания фамилии ее основателя и главного руководителя. Когда папа вынужден был переселиться в Анибон и в связи с этим наступил перебой в правильных взносах курии всем кредиторам, Большой Стол заметно поколебался и стал переживать тем более тяжелые дни, что король французский Филипп Красивый, который также был крупным должником этой фирмы, в это как раз время прибег к новой, страшно невыгодной для кредиторов перечежанке монет. «Большой Сиенский Стол» обанкротился, и его место в XIV веке заняла фирма Спини, которую папы называли *mercatores camerae nostrae* (купцы нашей камеры).

Другими любимейшими «купцами нашей камеры» были флорентийские фирмы Фрескобальди, Моцци, Барди и Перуцци. Все они были одновременно торговыми и банкирскими домами *). С курией они все имели постоянные дела: так, Барди за счет папы вносили Карлу Анжуйскому деньги по его требованию; с другой стороны Филипп Красивый уплатил Моцци, Спини и Кларенти половину собранной им для Палестины суммы. Николай V в течение своего восьмилетнего понтификата часто обращался к пяти банкирским домам Италии и одной лишь фирме Спини должен был свыше 30 тыс. золотых флоринов. Нередко в курии поднимались жалобы на ростовщические приемы итальянских купцов. Жалобы исходили, главным образом, от прелатов, из которых папские кунцы высасывали последние соки, угрожая им всякими репрессиями курии. Жалобы эти, однако, оставались по существу без рассмотрения: под предлогом того, что ростовщики каются в своих прегрешениях, их действия признавались не подлежащими каре, и купцы могли беспрепятственно заниматься обиранием представителей духовенства. Правда, был поднят вопрос и о том, не поступают ли греховно сами представители церкви, платя светским и духовным лицам проценты: ведь платить проценты, согласно каноническим постановлениям, не менее преступно, как и брать. На это курия отве-

*) Rich. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, 1896. I. Kulischer, Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter, 1908 (оттиск из Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung).

тила, что ростовщики и без того получают проценты, и, платя закоренелым ростовщикам, церковь не совершает по существу греха, ибо не создает новых преступников, что собственно имеет в виду каноническое запрещение *). Однако, при недоразумениях между палскими купцами и дебиторами из духовного звания курия часто становилась на сторону последних и высказывалась в том смысле, что они могут не платить полностью тех процентов, которых требуют от них *mercatores nostrae camerae*. Лишь однажды Бонифаций VIII, столкнувшись с целым рядом злоупотреблений и явного ростовщичества (*usura*), сопровождавшегося всякого рода незаконными деяниями, высказался против уплаты дому Аббата даже капитала, не говоря уже, разумеется, о процентах. Пострадавшему дому, однако, удалось через некоторое время переложить гнев папы на милость и сторицею вознаградить себя за временный ущерб: все купцы хорошо понимали, что борьба против ростовщичества ведется скорее одной лишь видимости ради, а не в серьез. Так, громкое дело 1277 г., возбужденное французским королем Филиппом Смелым против итальянских фирм Скала-Амиери, Моцци, Спини, Пульчи и Римбертини, имело в виду не столько интересы жертв этих ростовщиков, сколько коммерческо-финансовые расчеты самого короля.

Дело это состояло в следующем.

*) Max Neumann Geschichte des Wuchers in Deutschland bis 1654, 1865. X. Funk, Geschichte des Kirchlichen Zinsverbotes, 1876.

К Филиппу поступило много жалоб на действия итальянских ростовщиков, и он отдал приказ арестовать их. Выяснилось, что ростовщики нередко брали 75%; так как процент этот уплачивался с номинальной суммы, а не с действительно данной, то 75% в сущности равнялись 100% или даже 125. В обеспечение долга итальянцы брали отца, мать, братьев и сестер своих дебиторов в качестве заложников, и многие родственники тех лиц, которые обращались за деньгами к итальянцам, скрывались в монастырях и церквях, чтобы не очутиться в руках ростовщиков. Ко дню срока уплаты несостоятельные должники продавали за безценок свое имущество, по преимуществу землю, чтобы освободить из-под залога ближайших родных. Арестованные по приказу короля Филиппа итальянцы не отрицали большинства предъявленных им обвинений и соглашались уплатить королю 120 тысяч золотых флоринов. Так как среди арестованных были крупнейшие итальянские фирмы, имевшие отделения во Франции, то согласие на уплату указанной суммы было равносильно взносу ее, и папа поспешил выразить свое моральное сочувствие французскому королю. В деяниях итальянских купцов, которых, кстати сказать, он сам побуждал к занятию ростовщичеством, папа с отвращением увидел омут ростовщичества (*voraginem usurarum abhorrens*) и радовался, что нашелся, наконец, король, обладающий карающей рукой. Выяснилось, однако, что папа напрасно так приветствовал Филиппа: король вовсе не думал наказывать ростовщиков и все сводилось к тому, чтобы оживить торговые

сношения Нима и Эг-Морт за счет принадлежавшего арагонской короне Монпеллье. Итальянские купцы должны были поклонуть Монпеллье и переселиться в Ним и Эг-Морт, а за это все арестованные их соплеменники получали свободу и отныне могли заниматься беспрепятственно всякими делами, не исключая, разумеется, ростовщических. Ожил снова «омут ростовщичества», и ученый епископ Дюран дал не столько моральный, сколько практический выход из создавшегося положения: умирающий ростовщик должен каяться в своих грехах и мысленно вернуть нечестным путем приобретенное, — возвращение процентов, безразлично реальное или мысленное, очищает душу человека. Ирония истории было угодно; чтобы это учение было одобрено тем самым Бонифацием VIII, который так сурово поступил по отношению к фирме Аббати; мало того, как реалист и рационалист, Бонифаций позволил каждому за двадцать ливров очистить свою душу от ростовщического греха и тем положил конец лицемерным учениям о реальном и мысленном возвращении нечестивым путем добытого богатства *).

До Бонифация открыто выступил в защиту итальянских купцов-ростовщиков папа Николай IV, ходатайствовавший пред Филиппом Красивым за Буонсиньори, Пульчи, Фрескобальди и других, имущество которых король намеревался конфисковать **).

*) Ménard, Histoire de la ville de Nîmes, 1845.

***) Al. Schulte, цит. соч., т. I, стр. 276.

Еще энергичнее в пользу ростовщиков выступил Бенедикт XI, когда пистойский дом Амманати находился накануне краха. Папа поручил одному кардиналу ознакомиться по официальным книгам фирмы с ее делами и убедиться, возможно ли спасти ее. Когда папа узнал, что дом Амманати имеет получить от английского короля Эдуарда I 150 тыс. флоринов, а также от целого ряда лиц во Франции и Германии, то решил приступить к взысканию следуемых этому дому денег. С этой целью Бенедикт отправил приказ заставить дебиторов дома Амманати, проживавших во Франции, Италии, Кастилии, Англии и Португалии, начать платить по обязательствам, выданным в свое время представителям этой фирмы. Преемник Бенедикта Климент V отправил подобный же приказ в Германию, при чем оба эти приказа говорили о необходимости вернуть Амманати взятые деньги вместе с убытками, расходами и прибылью (*dampnis, expensis et interesse*). Впрочем, дом Амманати был спасен лишь на короткое время, — но со стороны курии было сделано все, чтобы поставить его на ноги. Защита Амманати не была бескорыстным подвигом: папа взял займы у этого дома и нескольких других 9100 золотых флоринов и обязался везде и всюду защищать их доброе имя и интересы против недовольных ими дебиторов. Становясь определенно на сторону кредиторов, папа лишь лицемерно осуждает получение процентов, ибо формула, исключая всяческие проценты (*usuris omnino cessantibus*), заключает их в дальнейшей своей части, говорящей о необходимости вернуть все виды расходов,

связанных с выдачей ссуд (*pro sorte dampnis, penis, laboribus et expensis*). Эта четыреххвостка предоставляла большой простор ростовщической деятельности, не говоря уже о том, что время от времени папы, как мы видели, сами настаивали на необходимости платить проценты, и даже высокие, показывая своими аккуратными платежами пример другим. Покровительство, оказываемое ростовщикам курней, побудило многих высокопоставленных прелатов открыто взять под свою защиту так называемых ломбардцев и кагортинцев, под каковым именем были известны в Средние века всякие христианские ростовщики. Так, архиепископ кельнский в 1328 г. предоставил одному ломбардцу право иметь у себя в доме банкирскую контору, выставлять деньги, давать их займы под проценты по установленному для ломбардцев обычаю (*tenendi tabulam in domo sua ad exponendum et mutuandum pecuniam suam pro lucro secundum consuetudinem Lombardorum hactenus servatam* *). Через несколько лет тот же архиепископ разрешил за ежегодный взнос в 300 гульденов свободно проживать в Кельне всем ломбардцам, предоставив им право заниматься ростовщичеством без всяких ограничений **). Точно таким же образом поступил и майнцский архиепископ, разрешив двум ломбардцам открыть контору и

*) Moses Hoffmann, *Der Geldhandel der deutschen Juden während des Mittelalters*, 1910.

***) I. T. Amiet, *Die frazösischen und lombardischen Geldwucherer des Mittelalters*, *Jahrbücher für schweiz. Geschichte*, 1876 u. 1877.

в соседнем Бингине. Примеру их обоих последовал трирский архиепископ, выдав ломбардцам привилегию ростовщичества в Обервезеле за 180 гульденов в год, взнос которых был начат в 1357 году.

Вообще покровительство курии ломбардцам было столь распространенным явлением, что в глазах многих ломбардцы были привилегированным детищем папства, нередко в угоду им запрещавшего евреям и другим не-христианам заниматься в определенном месте делом ростовщичества, становившимся, таким образом, почти монополией одних ломбардцев. Что удивительного после этого, если никто не считался более с каноническим запрещением ростовщичества, и отовсюду слышались жалобы, что христианские ростовщики хуже еврейских— «*gar lidlich war der Juden gsuoeh*» (проценты)? Но несмотря на то, что «еврейские проценты были довольно сносны», евреи не могли оставаться долее жить в христианских странах, и «христианские евреи их изгнали»: «*Aber sie mögen nit me bliben, die Kristen-Juden sie vertriben*»; с уходом евреев «их штуки» (Judenspiess) мало изменились: когда дают десять, в книгу попрежнему вносят одиннадцать: «*Für zehen schribt man ell ins buch*». Некогда можно было за это наказывать: теперь нет больше ни права, ни закона: «*und schwigt darzuo all recht und gsatz*» *)

Так римская курия, связав себя с итальянскими

*) *Narrenschrift* Себастиана Брандта, писателя XV века, изд. Goedeke, 1879.

ростовщиками-купцами, сделалась олицетворением всяких коммерческих сделок, в интересах которых нарушались и право, и закон, а когда папы время от времени пытались становиться на сторону слабых, их упрекали в продажности и заподозривали их лучшие намерения. Об авиньонских папах, дававших евреям некоторые привилегии, германский ученый XV века Иоанн Тритгейм (Гейденберг) писал в своих «*Annales Hirsaugienses*», что по мнению многих современников они способствовали устройству в Папской области евреев «*non sine suspicione pecuniarum*» (не без мысли о деньгах); курия не оставалась в долгу и обвиняла тех, которые преследовали и изгоняли евреев, в желании воспользоваться имуществом и деньгами изгоняемых *). Быть может, приписывание некоторым папам, будто они еврейского происхождения, объясняется тем же стремлением опозорить их в глазах христианского мира и найти «истинную подкладку» их корысти и жадности. Даже известный Гильдебранд (впоследствии папа Григорий VII) не избег подозрения в принадлежности к еврейскому племени, вероятно, потому, что был в близких деловых сношениях с кардиналом Пьетро Пиерлесне, будущим антипапою Анаклетом II, который действительно был еврейского происхождения. Трудно сказать, перешел ли из иудейства в христианство отец Анаклета Лео (Иуда), или его дед Бенедикт (Барух); во всяком случае еврей-

*) M. de Maulde, *Les Juifs dans les Etats Français du Saint-Siège au moyen âge*, 1886.

ская кровь текла в жилах этого папы, игравшего при Григории VII роль «племянника» (непота) и дававшего ему займы всякие ссуды. Можно также предположить, что Григорий участвовал в коммерческих предприятиях Пиерлеоне и получал за вложенные в них деньги определенную прибыль. Уже дед непота Барух являлся банкиром папы Григория и вообще римской курии, финансовые дела которой он старался привести в порядок*). Близость Григория VII к Пиерлеоне не мешала несколько тому, чтобы папа обвинял своего врага, императора Генриха IV, в покровительстве евреям; сам папа возобновил на римском синоде 1078 г. репрессивные по отношению к евреям канонические постановления**).

*) Georg Caro, Social- und Wirtschaftsgeschichte der Juden im Mittelalter, 1908.

***) «Еврейская Энциклопедия» (на русск. яз.), т. XII, «Папы».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МОНАСТЫРИ.

I.

Коммерческие привилегии монастырей. Устав отца западного монашества Бенедикта Нурсийского (род. в 480 г.) говорил об организации труда внутри монастыря в видах необходимости предоставления каждому монастырю возможности жить самостоятельной экономической жизнью настолько, чтобы он не нуждался в материальной помощи соседнего хозяйства — безразлично светского или духовного. Вот почему каждый монастырь предполагал наличие мельниц, пашни, огородов, а также реки, озера или иного источника воды. Ручей либо озеро у монастыря (отсюда частые названия Zellbach, Zellsee) давали не только питьевую для людей и скота воду, но и необходимую для еды обитателей монастыря рыбу (отсюда названия Fischbach) и для приведения в движение мельничного камня (Zellmühle); отсутствие речки побуждало монастырь строить колодцы, и огромное большинство монастырей действительно имели искус-

ственные колодцы. Так, у Фрейзинга был «Корбинниан-брюнль», у Альтомюнстера — «Альтобрюнль», у Меттена — «Уттобрюнль», и всякими «брюнлями» и «бруннами» пестрят страницы монастырских анналов. Помимо колодца, монастырь нуждался еще в укреплении: старые замки или развалины городских стен давали материал, который шел на постройку маленькой крепости, а также убежища, куда в минуту войны или иной грозной опасности скрывались как живые люди, так и святыи мощи. Развалины укрепленного городка Anagrates (более позднее Анагрэ) в Вогезских горах послужили святому Колумбану основанием для устройства здесь первой общины по образцу монастырей в Ирландии. Вторая подобная община была возведена на остатках укрепления Люксовиума (нынешнего Люкзейля), третья в той же местности возникла у развалин Бриганциума. Точно также из камней городских стен родились монастыри Моосбург, Зальцбург и многие другие. Там, где у монастыря не было укрепления, приходилось в минуту опасности спасаться бегством в соседние укрепленные места: так, монахи Фульды вынуждены были поспешно в виду приближения саксонских язычников отправить кости св. Болифагия в Гаммельбург, куда вскоре они и сами ушли, боясь стать жертвою свирепого врага. Живя в мирное время самостоятельной экономической жизнью, укрываясь от разного рода неприятелей за крепкими монастырскими стенами, монахи производили в общем гораздо больше, чем потребляли, и монастыри устраивали рынки, куда сбывали излишек своих про-

дуктов, взамен которых получали недостававшие им предметы. В некоторых местах Германии рынки эти назывались *Nadermarkt*'ами, — слова, которые Макс Фастлингер переводит так: рынки у лесных людей*). По его мнению, большинство старейших рынков в части Германии ведет свое происхождение от этих лесных, монастырских базаров: так в дополнение на первых порах, а впоследствии в замену старого рынка (*vetus forum*) монастыря Баумбург возник в XIII веке новый рынок Тростберг. Точно также старый рынок монастыря Эльзенбаха дал вырости новому рынку на Ротте, затмившему славу старого; вместо монастырского рынка у Альтмюльдорфа возник новый базар у Мюльдорфа. Повидимому, монастыри относились с большою заботливостью к рынкам и нередко прокладывали к ним специальные дороги для того, чтобы дать возможность направлять туда всякого рода товары из других местностей, а также вывозить свои предметы в какие-либо отдаленные пункты.

Однако, такие «коммерческие дела» в Средние века всегда нуждались в специальных королевских разрешениях, в особых хартиях или привилегиях, коими обеспечивалось право устройства рынка, а также вывоза за пределы данной местности того или иного продукта. Первыми такими коммерческими правами, выданными на имя церкви, можно считать диплом Зигберта II, данный в

*) M. Fastlinger, Die wirtschaftliche Bedeutung der bayrischen Klöster, 1903.

651 г. основанному им тогда же монастырю Ставело (Stabulum) недалеко от Льежа, хартию Хильдеберта III для монастыря Сен-Дени в 710 г. и привилегию Хильперика III в 716 г. для монастыря Корби *). Это были единичные случаи, за которыми вскоре последовали массовые, и со второй половины VIII века монастыри в значительном количестве обращались к императору и королям с просьбой освободить их от торговых налогов и предоставить им право свободного провоза товаров по обширной территории. Монастыри в VIII веке широко используют свои привилегии и начинают вести значительную торговлю. Сен-Дени имеет своих агентов в Марсели, Италии и Германии для скупки соли, пряностей, дорогих материй и воска; Сен-Вандрилль покупает сукно в Теруане и в других местах Фландрии; реймский монастырь Сен-Реми посылает агентов на юг Франции и на север в Сен-Кантен; Прюм имеет своих представителей в Кельне, Бонне, Кобленце и Меце, а Сен-Жерман возле Парижа через своих людей собирает разные справки в Руане, Труа, Анжере, Амьене, Кентовике, Утрехте и Дурстедде. Эти представители (*missi*, также *discursores*) появляются на всех ярмарках, делают на них большие закупки, а также предлагают свой товар, привозимый на возах, в которые запряжены волы (*carra*), либо на простых повозках (*carrada*); иногда их тащат вьючные животные (*saumata*)

*) Imbart de la Tour, Des immunités commerciales accordées aux églises в Etudes d'histoire du moyen âge dédiées à Gabriel Monod, 1896.

или просто люди на своих спинах. Так как в те времена путешествовать было не безопасно, то монастырские представители пускались в путь целыми группами в сопровождении особых защитников (*scagarii*), обычно из тех же монахов. Караваны эти совершали большие поездки, чуть ли не сотни верст; предпочитали, однако, речные путешествия, ибо по воде легче было отправлять грузы, и случаи нападения бывали здесь гораздо реже. Особенно часто центрально-французские монастыри ездили по Сене, получившей даже прозвище славной своими торговыми кораблями реки (*Sequana commercii navium gloriosus*); много судов шло также по Рейну, Роне, Дунаю, Луаре и т. д. Вся луарская торговля была в руках монастырей, расположенных по обоим берегам этой реки; по Мозелю и Рейну плавали бесконечные флотилии Прюма, а по Дунаю шли суда больших монастырей, избравших свое местопребывание недалеко от этой замечательной реки.

Особенно много привилегий было пожаловано германскими королями лежавшим близ старой лонгобардской столицы Павии монастырям, получившим возможность свободно пользоваться весьма важной в торговом отношении рекой По; отдельные монастыри, кроме того, получили и специальные привилегии. Так, монастырь Санта Мария Сенаторис имел право беспошлинной свободной торговли как по озеру Комо, так и по Лугано, вокруг которых владел значительными земельными участками. На берегу обоих озер монастырь мог свободно выгружать свои товары и устраивать складочные места, ко-

торые надлежало окружить шестами для того, чтобы закрепить их окончательно за названным монастырем. Подобными привилегиями в дельте реки По пользовался Сальваторский монастырь, обладавший богатыми соляными источниками в Комакио, откуда соль отправлялась в Павию, где она продавалась по очень выгодной для монастыря цене. Точно также монастырь Бреме, расположенный на Сезии (притоке По), имел в силу привилегий конца X века право свободно торговать по обширной территории, а также по берегу Италии, вдоль Террары, Комакио и Равенны.

И море также кишело монастырскими судами: в Бордо и Сквирс проникали со стороны океана флотилии Сен-Филибера, Шарру и Редона. В VIII веке монастыри приобретают для своих морских торговых целей приморские или речные гавани (*villae*), где происходит постоянная нагрузка и выгрузка товаров. Монастырь Ставело, о котором мы уже упомянули, получил от Зигберта II два порта -- *Sellae* и *Vagatio*, оба на реке Луаре. Карл Великий в 786 г. предоставил монастырю Сен-Жерман виллу Мадриолу с монопольным устройством в ней гавани на Сене; Сен-Дени получил Понтуаз, а Сен-Симфориэн мог устроить два порта по обоим берегам Луары. Аббатства Кормери близ Тура, Миси у Орлеана, Флери и Сент-Эньян имели право отправлять шесть судов по Луаре и ее притокам; монастырь устен Вьенны беспошлинно содержал пять судов на Роне, а аббатство Турнус претендовало на беспошлинное право на реках Роне, Саоне и Дуб. В XI веке аббатства

Жюмьеж и Сен - Вандрилль получили свободное плавание по Сене, Манте, Конфлану и Мезону. В гораздо лучшем положении были монастыри Сен - Дени и Сен - Жерман, имевшие право беспошлинной торговли на территории всего королевства; такой же привилегии добилась и парижская церковь Нотр - Дам *).

Едва только монастыри стали пользоваться этими портами, как они решили считать их своею монополией и запрещали строить по течению данной реки другие порты, заставляя выгружаться и нагружаться в монастырских гаванях. Одновременно с портами монастыри стали в разных городах устраивать склады товаров; склады эти назывались различными именами: *patellae*, *casellae*, *ageae* и имели в виду возможность в любой момент снабжать разными предметами и такие пункты, которые находились далеко как от монастыря, так и от его портовой виллы. Перевозка монастырских товаров была не только свободна от обычного налога, но нередко по распоряжению короля жители обязаны были предоставлять монастырю необходимые транспортные средства. Так, Корби в VIII веке пользовался королевским перевозочным материалом в целях сбыта и покупки своих товаров. Постепенно, однако, перевозочная повинность была переведена с королевских людей на монастырских. Дело в том, что церковь с течением времени становилась крупной земельной собственницей и устанавливала для сидевших на ее земле людей те же повинности, что

*) Pigeonneau, Histoire du commerce de la France.

и другие крупные земельные магнаты. Она имела рабов, крепостных и держателей; со всех них требовались разнообразные повинности в соответствии как с характером держания земли, так и с формами личной зависимости от земельного собственника, и транспортная повинность стала одной из многих повинностей, имея в свою очередь несколько видов. Под *саггорегае* разумели доставку повозок и самую перевозку товаров; под *vinegia* — бочечные повозки для вина вместе с его перевозкой; под *ангариае* — транспорт хлеба; *навигиум* предполагало отправку по воде; *вереди* было доставкой лошадей; *сагае* — эскортом защиты перевозимых товаров и т. д.; все эти виды объединялись в одну категорию службы, которая лежала на отдельных земельных участках (*манси*), причудливым образом распределяясь между разными земельными держателями. Сами участки, долженствовавшие нести эту повинность, назывались *манси саггорегати*, и служба в них всегда считалась тяжелой, хотя на первых порах она имела характер скорее добровольный или соглашательский, чем принудительный, невольный.

Транспортная повинность отрывала людей от их обычных занятий и являлась тяжелым бременем для крестьян, в особенности в страдную пору. Неудивительно поэтому, что крестьяне охотно соглашались заменять ее денежным взносом. Такой переход от натуральной повинности к денежной назывался *адерацией* (*адератио*) и был выгоден также монастырям, нуждавшимся в деньгах по мере роста торговли, специально с Востоком,

откуда привозились неведомые Европе товары, на которые была падка католическая церковь, обставлявшая с большой роскошью свое богослужение. Постепенно все виды перевозочной повинности были переложены на деньги: водяная служба (*servitium aquense*) оценивалась в монастыре Сен-Реми то в один, то в два денье; в Вермандуа транспортная служба заменялась взносом от 10 до 12 денье и т. д. Развозка товаров и связанная с ней их продажа и покупка сделались обязанностью, функцией специальных людей, ходоков или купцов (*negotiatores, mercatores*), и в XI веке многие монастыри обзаводятся подобного рода ходоками, по своему происхождению являющимися то монахами, то крепостными, то вольными людьми, избравшими этот именно вид заработка, но связанными какими-то узами с монастырем (*ipsi monachi vel negotiatores eorum, aut homines eorum*). Первыми специалистами-продавцами были, повидимому, торговцы солью и вином: так, в монастырях Прюма, Кольдербурна и Саренсдорфа мы в конце VIII века уже находим указание на людей, которые *vendant vinum et sal* (продают вино и соль), при чем в Саренсдорфе торговля эта носит еще характер натуральной повинности; в других местах по отношению к торговцам употребляют термин не «свой человек», а «ожидающие благоволения от монастыря» (*qui per ipsa casa Dei sperare noscuntur*).

Нужно думать, что под этим выражением разумелись поступавшие под защиту церкви мелкие и даже средние крестьяне, которые в качестве командирую-

щихся брали на себя обязанности ходоков-купцов. В монастыре Сен-Рикье в XI в. была особая группа людей, жившая в здании монастыря и специально занимавшаяся торговлей. Они платили сто солидов монастырю и обладали как бы торговой монастырской монополией; люди эти ничем другим не были связаны с монастырем; они составляли дружную семью, нередко сообща отправляясь в путь-дорогу для закупки и продажи предметов, в которых монастырь либо нуждался, либо имел их в изобилии. В силу монастырских вольностей или иммунитета никто не имел права ставить какие-либо препятствия монастырским купцам или взимать с них пошлины и иные торговые подати, при чем вольности эти простирались то на все королевство или империю, то лишь на определенную, более или менее ограниченную территорию. Иногда в привилегированное положение ставилась не вся торговля монастыря, а лишь определенная ее часть: так, Борди «имел диплом» на 10 тыс. фунтов масла, 30 фунтов перцу, два фунта гвоздики, 30 бочек гарума, 5 фунтов корицы, 150 фунтов тмину; все остальное подлежало обычным налогам. Чаще всего освобождалась соль, затем идет вино или «все, что необходимо для содержания монастыря».

II.

**Земельное
могущество
монастырей.**

Этим, однако, не ограничивались «коммерческие привилегии» церкви: монастыри не только могли свободно развозить и продавать свои продукты, но взимали в

свою пользу всякие сборы с чужих товаров, а также устранивали рынки и присваивали себе все выгоды, связанные с рынками, устройство которых вообще считалось королевской монополией. Иногда в пользу церкви или монастыря уступались значительные торговые пункты, и королевская казна обогащала привилегированных за свой же счет: так в Испанской марке и в Септимиании половина или треть всех «товарных такс» целых округов шла в пользу того или иного монастыря, накопивших благодаря этому тем более крупные средства, что коммендация с уступкой земли, будучи обычным явлением в Средние века, в свою очередь немало обогащала всякие учреждения, носившие духовный характер. Еще больше способствовали обогащению крупные пожертвования в пользу церкви со стороны короля и частных лиц, особенно богатых землевладельцев. Известно ведь, что церковь наравне с королем сделалась одной из самых ранних носительниц права собственности на землю, и завещать землю, помимо прямых наследников, можно было лишь королю и церкви. Титул 7-й Саксонского закона прямо говорил: *nulli liceat traditionem hereditatis suae facere praeter ad ecclesiam vel regi ut heredem suum exheredem faciat* (никому нельзя завещать имущества, кроме церкви и короля, если лишают своего наследника). И церковь со всех сторон получала дарения и завещания, так что уже король Хильперих (VI в.) жаловался, что его казна пуста и что за ее счет богатеет церковь (*ecce pauper remansit fiscus noster, ecce divitiae nostrae ad ecclesias sunt trans-*

latae), а Карл Великий недоуменно спрашивал, неужели следует разуметь под «отказом от мира сего» беспрестанное стремление духовенства округлять свои владения все новыми и новыми участками. По вычислению Рота, в Галлии в VIII веке церкви принадлежала треть всей заселенной территории *). В этом, впрочем, не было ничего удивительного, так как церковь устами знаменитого проповедника из Марселя Сальвиана учила, что умирающий должен помнить на смертном одре, что он лишь земельный арендатор; собственником же земли является церковь, которой и следует вернуть временное держание. Кто завещает своим детям землю, говорил Сальвиан из Марселя, вместо того, чтобы завещать ее церкви, поступает против воли бога и против собственных интересов: заботясь о земных благах своих детей, он обманывает себя за счет собственного благосостояния на небесах.

И благочестивый народ жертвовал все, что мог, в пользу монастырей. Санкт-Галлен получил 4000 земельных участков, которые в конце VIII века находились в ста разных местах. Основатель монастыря Рейхенау Карл Мартелл подарил монастырю шесть вилл и 24 крепостных семейства в Тургау; Карл Великий прибавил еще семь вилл, а герцог Герольд — 25; вскоре Рейхенау имел в одном Вюртембурге собственные угодья в 19 местах. Эльзасский монастырь Вейсенбург приобрел в VII веке пять земельных владений; в первой поло-

*) P.-A. von Roth. Geschichte des Benefizialwesens, 1850.

вине VIII века — 72, во второй половине — 118; в IX-м веке получил 56 и в общем владел земельным имуществом в трехстах местах. Монастырь в Фульде от одного владельца получил сразу земельные угодья в 27 местах; в 813 г. тому же монастырю было подарено 149 крепостных и он вскоре стал первым по богатству монастырем в Германии, владея 15.000 земельными участками. В эпоху Каролингов монастырь Лорш приобрел свыше двух тысяч земельных участков (*mansus*), а Герсфельд в 193 местах имел свыше 186 угодьев. У Прюма было 265 виноградников и леса, где 8296 свиней могли до-сыта кормиться и пастись.*) Трирский монастырь благодаря «донациям» Карла Великого занимал пространство приблизительно в 10 квадр. миль, а у монастыря св. Максимиана император Генрих II в 1023 г. взял 6656 участков, разбросанных в 68 разных местах для раздачи их в ленное владение своим людям; у монастыря после этого остались еще земельные угодья в 61 месте, которые составляли приблизительно столько же, сколько у него было отнято.

Разбросанность монастырских участков представляла в хозяйственном отношении большие неудобства, и мы рано наблюдаем стремление монастырей к концентрации земли путем обмена одного участка на другой. Уже в 800 году архиепископ Арно из Зальцбурга вступил

*) Inama-Sternegg, Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland (том I, в Forschungen Шмоллера).

в переговоры с аббатом Монзее о том, чтобы «удобства ради» уступить друг другу одинаковые земельные владения, а в 820 г. даже большие участки взаимно уступаются, опять-таки *pro opportunitate locorum* (из-за выгоды расположения). В одной грамоте 814 г. уже выставляется «теория обмена» и говорится о том, что следует обмениваться в интересах обеих сторон (*commutandi scilicet pro commoditate utrarumque partium*) и что этот обычай не только очень доходен и честен, но и весьма полезен (*fructuosa valde et non solum honesta, sed etiam nimium utilis consuetudo*). Светские власти вскоре присоединились к мнению монастырей о «честности» обменной теории и не только не препятствовали концентрации больших участков в руках церкви, но говорили о желательности продавать и уступать монастырям виноградники, мельницы, поместья и всякие земли, если только они находятся вблизи какого-либо монастыря или церкви. Этим путем создавалась так называемая *potestas* (позднейшее французское *pôté*, заменяемое иногда в Германии словом *mithio*), т.-е. обширная земля, на которой монастырь или вообще духовное лицо распространяло свою власть по примеру светского сеньора; другими словами, *potestates* были сеньориальные земли подобно *chatellenie*, обозначавшей светскую сеньориальную землю. Захватывая путем обмена большие пространства земли, светские и духовные владельцы с трудом мирились, чтобы их *potestates* или *chatellenies* прорезывались небольшими участками чужих земель, и стремились распространить свою власть

на сплошные пространства, и если им не удавалось скупать отдельные, входившие как бы клиньями в их земли участки, то они добивались по крайней мере юридических привилегий на эти чужие участки и ставили владельцев их в подчиненное в правовом отношении положение. Так стали возникать большие судебные участки (*Bannbezirke*), где юридическая власть принадлежала светскому или духовному сеньеру над целым округом даже в том случае, если в пределах его находились свободные люди, владевшие своими землями. Так, монастырь Прюм в 893 г. говорит в документе о людях живущих внутри его владений, т.-е. в *potestas* (*infra potestatem nostram*), хотя и не на монастырской земле. Монастырь Бласло говорит о своих правах на людей, живущих не только на монастырской земле, но и на соседней (*istius vicinae*).

Когда короли принимали меры против чрезвычайного обогащения церкви, они навлекали на свою голову громы и молнии со стороны авторитетных представителей церкви. Григорий Турский называет Хильпериха страшным именем Нерона и Ирэда за то, что он противился росту церковного землевладения. Еще худшие прозвища заслужили от церкви дед Карла Великого король Карл Мартелл и сам Карл, которые стали конфисковать церковные земли и отдавать их своим вассалам. Нужно заметить, что долгое время королевская власть не решалась прибегать к такой мере, и конфискация явилась в результате займа, носившего, впрочем, часто принудительный характер, делавшегося королями у церкви с

тем, чтобы временно использовать ее земли для преподнесения их особенно заслуженным слугам. Такой принудительный заем оставлял за церковью звание собственника временно отнятой у нее земли. Постепенно из этой практики выросла конфискация или, как ее обычно называют в применении к церковному имуществу, секуляризация, т. е. превращение церковной земли в светскую землю. Что секуляризация вызывалась необходимостью иметь в распоряжении короля достаточно земли для своих слуг, подтверждается многочисленными заявлениями, между прочим, и словами знаменитого ученого из Англии Беды Благодетельного (ум. в 735 году), утверждавшего, что королевская земля быстро исчезает, и что даже небогатые люди отдают часто свою землю церкви, в особенности монастырям, выговаривая себе при этом право пожизненного, а иногда и наследственного пользования жертвуемой ими землей. Этим путем, по заявлению Беды, людям удается избежать многих повинностей, а также закрепить за потомством землю, которую в дни господства грубой силы так трудно сохранить на долгое время: неуверенность в завтрашнем дне гонит многих людей под защиту монастырских стен и церковных оград и туда же заставляет отдавать землю. Из этих слов легко видеть, что по существу рост церковного землевладения, помимо религиозных мотивов, вызывался теми же общими условиями средневековой жизни, что коммендация вообще. Церковь была такой же сеньерией, как и всякая иная земля крупного земельного магната, и, подобно последнему, оказывала

помощь и покровительство всем тем, которые под ее сенью искали защиты для себя и своего имущества от нападения извне и от разрушительной стихии, которая коренилась глубоко в условиях средневековья, поглощавшего мелкое землевладение за счет крупного.

Так как церковь и монастырь, в силу своей святости, пользовались большим авторитетом и уважением, то легко понять, что у них особенно часто искали покровительства: нередко мелкий крестьянин передавал свою землю в собственность церкви и тут же брал ее на определенных условиях для обработки. Этим путем церковь получала двойную выгоду: росла площадь ее земли и последняя обеспечивалась рабочими руками. Приобретенная таким образом земля вела свое происхождение от просьбы собственника, и лицо, передавшее свою землю и потом ее получавшее, стало называться прекаристом (от латинского слова — *preces*, просьба); вернувшуюся к нему землю он обрабатывал на прекарном праве. Так как рост церковно-монастырского землевладения вызывался глубокими, лежавшими в самой основе средневековья причинами, то секуляризация, производившаяся время от времени некоторыми королями, мало отражалась на судьбе церковного богатства, и даже непосредственно после секуляризации трирский монастырь св. Максимиана обладал 1000 наделов, а ниебургский 1600. Санктгалленская обитель, насчитывавшая 4000 наделов, признавалась не богатой, а скорее бедной, так как множество монастырей распоряжалось 8—10 тысячами наделов. Гентский мо-

настырь Сен-Баво на одной только полосе насчитывал земли для 900 овец, а в другой полосе для 1500, а полос таких у него было свыше 10. Всячески заботясь об округлении своих владений, аббатесса в Сенте, предвидя голод, отдает своим людям приказ быть наготове и принять меры к приобретению всякой недвижимости, которая им будет предлагаться со стороны впавших в нужду и голод крестьян. В этом случае сентская аббатесса действовала в духе своего времени, ибо в годы неурожая и народных голодовок монастыри всегда скупали значительные земли даже у богатых людей, которые либо не в состоянии были при сильном голоде прокормить себя, либо находили не безопасным для себя владеть землею в моменты бесконечных грабежей и нападений, вызывавшихся голодом. Между тем, голодовки в Средние века были крайне распространены: так, за период времени от 970 г. до 1040 г. было, по словам Глабера, 48 голодных лет, а в IX веке положение было еще хуже, тем более, что вследствие примитивной земледельческой техники всякий незначительный недород быстро принимал форму не только неурожая, но и голода. Монастыри умели использовать голод в своих интересах и, давая даже состоятельному землевладельцу ссуды, отнимали его землю в виду невозможности вернуть к сроку взятые им деньги. Так, летописец монастыря Жамблу констатирует, говоря о духовенстве, что «ростовщики всякими способами ухудшают положение дебиторов: когда приходит день платежа, и они не получают денег, то удваивают долг, заручившись присягой

и обязательством от дебиторов» (*foeneratores debitores suos omnibus modis gravant, et dum die dicta pecunias suas non recipiunt, has die redditicia sub fide et sacramento duplicant*).

Церковь и монастыри приобретали все, что могло представлять какой-либо материальный интерес, и вскоре превратились в огромные склады, где хранились всякие драгоценности, как церковные, так и светские, не принадлежавшие духовенству. Этому в немалой степени способствовала святость, неприкосновенность церквей и монастырей: всякий спешил в святое место со своим вкладом. Так, английский король Генрих II держал в помещении духовных орденов собранные им для защиты Иерусалимского королевства суммы; другой английский король, желая сохранить верность своих баронов и обещав им за это значительную сумму денег, внес ее на хранение в ларошельский храм. В царствование Людовика Святого даже ливр, служивший образцом для взвешивания французских монет, для лучшей верности хранился в парижском храме одного из духовных орденов. Но не только короли и крупные магнаты носили в храм свои сбережения; то же делали и мелкие люди, чувствовавшие постоянную угрозу нападения и не находившие в слабой власти никакой защиты. Повидимому, этими вкладами церкви и монастыри пользовались для увеличения своего богатства и в погоне за ними вступали между собою в конфликт. Так, синод 1253 г. в Маконе запрещает духовенству делать вклады по усмотрению

каждого священника и указывает точно те учреждения, куда следует относить свои сбережения. Разумеется, и сеньеры подчас считали свои замки и укрепления достаточно надежными для хранения вкладов, которые и для них представляли интерес, и конкуренция из-за вкладов немало обостряла отношения между светскими и духовными лицами. Отсюда антицерковная политика многих сеньеров и их страсть к секуляризации, на которую духовенство отвечало отлучением от церкви и всякими проклятиями. Характерно, что конторские книги в особенности обанкротившихся фирм также часто хранились в монастырях и церквях, откуда извлечь эти книги всегда представляло не мало затруднений. Против этого обычая сильно протестовали ганзейские купцы, ведшие дела в Брюгге, где в кармелитском монастыре хранились документы лиц, не желавших вернуть взятых ими денег и не допускавших никого к изучению их коммерческих книг. Подобный же протест исходил от Аугсбурга, купцы которого прятали во Фридбергском монастыре все то, что считали рациональным скрывать от своих кредиторов. Обычай скрывания конторских книг перешел в обычай скрываться самим в монастырских стенах, если купцы почему-либо не могли или не хотели платить по своим обязательствам. Так, аугсбургский купец Георгий Неймайр с 1572 г. прятался в течение трех лет сначала во Фридбергском, а затем в монастыре Ини. Для извлечения братьев Розенбергеров из монастыря св. Ульриха потребовалось вмешательство

императора Максимилиана II. В 1595 г. некоторые купеческие общества в Германии постановили исключить из гильдии тех купцов, которые скрываются в монастырях.

III.

Торговые предприятия монастырей. Земельное имущество монастырей служило базой, на которой строилась торговля, столь обогащавшая церковь. Для торговли большое значение имели периодически происходившие скопления значительных народных масс в определенные дни, в дни тех святых, которые считались патронами того или иного монастыря или церкви. К церкви или монастырю шли нередко толпы богомольцев, алкавших какого-либо исцеления или спасения от грехов, и с этим пришлым элементом монахи часто вели оживленные торговые сношения, тем более, что богомольцев сопровождали временами купцы, привозившие в монастырь свои товары и покупавшие в монастырях то, в чем нуждались купцы. Фокус народного скопления, церковь в то же время была хранительницей мира, общественного спокойствия и благополучия: божий мир устанавливает не только перемирие между людьми на определенное время, но и берет под свою защиту определенную местность, которую и превращает в *savitas, sauté*, т. е. священное, спасенное место. Здесь, в святом месте, люди ищут спасения для себя и для своего имущества, и церковь, освящая местность, делает ее не

только убежищем для гонимого, но и хранилищем для его товара, приютом, в котором и человек, и товар находят свой уют, свое спасение. Купцы, везде чужие, повсюду гости, подвергающиеся тем большей опасности, чем сильнее нагружены их коробы, связывают себя с церковью, ищут у нее покровительства, — отсюда многочисленные освящения базарных площадей, рынков, городов; отсюда — одного корня слова: торжество и торжище — *feriae* (праздники), *foire* (ярмарка), *forum* (площадь); отсюда также слово месса, означающее как церковную службу, так и ярмарку. Церковь и монастырь как бы окружают известное место невидимой стеной, образуют вокруг себя своеобразный бург (крепость), и в этих духовных бургах купцы чувствовали себя подчас столь же спокойно, как за обычной оградой, внутри какого-либо настоящего бурга; здесь купцы были такими же «буржуа», «гражданами», «горожанамп», как за каменной, кремневой стеной, возведенной собственными руками или с помощью феодала. С высоты колокольни исходили на определенную территорию охранительные лучи, и нередко словно для обозначения сферы влияния этих лучей на границах священной, спасенной местности ставились кресты, настоящие *termini pacis* (сторожевые столбы), за которыми лежит *terra pro pace* (успокоенная земля); отсюда делается вывод, что всякое укрепленное место должно пользоваться особой мирной привилегией, и город и мир по существу являются синонимными понятиями. Вот почему городская площадь, олицетворяющая город, по-немецки иногда обозначается словом *Friedekreis*

(мирный круг). В пределах этих мирных, успокоенных и спасенных кругов всякое преступление носило характер святотатства, нарушения божьей воли о мире и наказывалось суровым образом: 60 солидов преступнику приходилось уплачивать за всякую кражу, безразлично малую или большую (*seu magna, seu parva res esset*), сверх того наказания, которое обычно налагалось за совершенный проступок, — и эти шестьдесят солидов представляли собою *dat hogheste Wedde* (самое большое наказание).

Особое рвение в видах массового скопления народа обнаруживали монастыри, которые стали устраивать торжища и ярмарки даже внутри монастырского двора. Успеху их всячески способствовала высшая духовная власть; так, архиепископ Роберт (931 -- 941) выдал монастырю Меттлаху привилегию, в силу которой 74 окружных деревни должны были принимать участие в торжестве, устраиваемом 9 сентября в честь святого патрона этого монастыря*). В этот день в Меттлахе открывалась большая ярмарка; сюда сходились одновременно с подневольными гостями и вольные торговцы. Характерно, что праздничные и воскресные дни не были препятствием для устройства рынка; правда, на первых порах церковь пыталась воспретить в праздничные дни всякий торг и даже настаивала, чтобы рынок (*mercatus*) происходил в те лишь дни, когда люди должны работать

*) Erwin Kalischer, Beiträge zur Handelsgeschichte der Klöster, 1911.

для своих господ (*in diebus in quibus homines ad opus dominicorum suorum debent operari*); но вскоре она сама поняла, что как раз в праздничное время выгодно устраивать ярмарки и почти везде они стали открываться в день местного или общего праздника. Так, в монастыре св. Арнольда в Меце рынок открывали в день патрона этого монастыря (*in festivitate sancti Arnulfi*); в монастыре Сен-Дени — 9 октября, в день святого Дениса; в Бишофсберге — 24 июня, в день св. Иоанна; в Эссене за три дня до и три дня после святых Козьмы и Дамиана; в Меттене — в Троицу и в день св. Михаила, т. е. 29 сентября; в Кауфунгене в честь его патрона Иоанна Крестителя — 14 сентября, в день Воздвижения креста господня. Но не только у себя монастыри имели возможность устраивать ярмарки; это право стало расширяться: короли предоставляли им для открытия ярмарок наиболее оживленные пункты, расположенные нередко очень далеко от монастырского местонахождения. Так, Сан-Сабино у Пиаченцы получил от Оттона III право три раза в году устраивать ярмарку в Кастель-Аркуато. Таким же правом пользовались и многие другие монастыри; монастырь Сен-Медар у Суассона свободно открывал ярмарки в Лотарингии по всему течению Мааса. Мало того, нередко короли запрещали, помимо монастыря, устройство в данной местности другой ярмарки; так, Оттон III, заботясь о преуспевании монастыря Кведлинбурга, определенно не допускал в окрестностях этого города возникновения более или менее значительного рынка. Монастырь, расположенный на тор-

говом пути, почти всегда объявлялся складочным пунктом, через который купцы не только обязаны были проезжать, но в котором они должны были также на определенный срок разгружать свои товары. Естественно, что монастыри стремились захватить подобные пути; так, на альпийской дороге, шедшей от Боденского озера к Комо, находился на севере рынок в Роршахе, принадлежавший монастырю Санкт-Галлену, а на юге — в вилле Геногим (Naenohim) в ведении Сен-Дени*). Если оба конца этой дороги были в руках монастырей, то весь путь был во власти епископа города Хура; епископ на мосту Майра устроил таможду и взимал в свою пользу со всех шедших по этой дороге товаров; его же судно имело право свободного плавания по северо-итальянским озерам**). Другие альпийские дороги также были заняты монастырями; в частности, наиболее популярный в Средние века проход Септимер был во власти монастырей Курвальда, Казиса, св. Люция и Пфеферса. Наиглавшем большую роль в Средние века пути, соединившем Вальтеллину с долиной реки Эч, находились рынок, принадлежавший Мюнстерскому монастырю, а также две таможди епископа города Хура***).

И старинные германские торговые пути имели почти исключительно монастырские рынки; так от Базеля к

*) Oelmann, Die Alpenpässe im Mittelalter, Jahrbücher für Schweiz. Geschichte, 3 u. 4.

**) Schulte, Handel und Verkehr im Mittelalter Zwischen Westdeutschland und Italien, 1900.

***) Oelmann, цит. соч.

Страсбургу, а отсюда к северу по правую сторону Рейна лежали два пути к Мангейму; монастырю Лоршу удалось получить от императоров Оттонов привилегию на устройство здесь ряда рынков (Бенсигейм, Вейнгейм, Вислох и др.); к востоку рынки также были в руках монастырей: в Магдебурге и Гиттельде распоряжался монастырь св. Морица, а около Нордгаузена его опптель и Мемлебен. Большой трирский монастырь св. Максимиана захватил пункт впадения Зауэра в Мозель и здесь, в так называемом Вассербиллиге, устроил рынок, на котором задерживал товары, шедшие в монастыри Прюм и Эхтернах. Благоприятное в смысле торговли положение занимали расположенные на Дунае три монастыря, получившие привилегии от Генриха II, при чем в отношении пассауского монастыря Нидербурга, лежавшего при впадении Инна и Ильца в Дунай, в привилегии прямо говорилось: *areas et mercatum cum integro telonio suo ac mancipia utriusque sexus, molendina, piscationes et vineas et quidquid in eadem urbe vel circa eam visi sunt*, т. е. монастырю передавалось все, что принадлежало раньше светским властям: земля, рынок со взиманием пошлин, рабы обоего пола, мельницы, рыбные воды, виноградники и все, что было как в городе, так и в его окрестностях. Впоследствии монастырю предоставили еще «*sectionem lignorum cum pascuis in foresto juxta civitatem sito*», т. е. лес и пастбище по ту сторону Пассау. В той же Баварии монастырю св. Зенона (у Райхенгалля) было в IX веке подарено: 20 соляных печей, кострюль и рабов-соляни-

ков, не считая земля в целом ряде близлежащих селений. Когда недалеко от Мерана святой Корбиниан в VIII веке увидел плодородную землю (*terra fructifera*), изобилующую лесом (*silvarum copia*), то откупил ее у герцога Гримоальда за 900 золотых шиллингов, которые ему подарил майордом Пипин, построил на ней обитель (*habitaculum*) и молельню и развел виноградники и много яблонь (*pomifera arbusta*); вскоре здесь организовался монастырь, ставший филиалом крупного бенедиктинского монастыря Фрейзинга, известного, между прочим, своими мельницами. Впрочем, мельницы в VIII и IX вв. строились в большом количестве и другими баварскими монастырями*). О значительности их можно судить по тому, что между 748 — 752 годами был издан специальный закон о краже мельничного имущества. Баварские монастыри усердно занимались также солеварением и имели особые помещения для своих рабов-соляников. Другой характерной чертой этих монастырей было их пристрастие к липовым рощам, где водится много пчел, медом которых восхищались монахи. Анналист XI-го века Альтахерский монах в своей летописи отмечает богатые и бедные пчелами годы, кладя этот признак в основу своего исторического изложения. Крестьяне нередко платили ценз в виде того или иного количества меда, и вообще *apex nemoris* (лесные пчелы) служили масштабом для оценки земельных участков. Не-

*) Sommerlad, Die wirtschaftliche Tätigkeit der Kirchen in Deutschland, 1905.

которые баварские церкви и монастыри получали от герцогов в дар пленных славян, хорошо знакомых с пчеловодством*). Пчеловоды назывались *zidalari* **); одновременно с медом они добывали воск для церковных свечей, и работа эта называлась *zeideln*. Старинные баварские законы строго охраняют интересы владельца пчелиного роя и подробно говорят, когда он на него теряет свои права.

Если, — говорит 21 статья *Lex Baiuw*, — пчелы оставляют свое дупло и садятся в чужом лесу на дерево, то владелец улетевших пчел, прибыв на место нового нахождения пчел и предупредив владельца дерева, на котором сидят пчелы, разводит близ дерева огонь и тупой стороной топора ударяет три раза по дереву с тем, чтобы пчелы покинули дерево; удары производятся так, чтобы дереву не был нанесен ущерб. Не улетевшие пчелы достаются собственнику дерева, — что мед играл роль во многих монастырях, видно из одной из самых ранних грамот, — из выданной королем Дагобером I грамоты на имя Сен-Дени. В ней говорится о том, что из-за моря приходят люди для купли вина, меда и красильной марены (*veniunt de ultra mare pro vina, melle vel garantia emendum*). Подобный перечень предметов мы находим в ряде других грамот, из чего мы должны делать вывод, что эти продукты были очень

*) Max Fastlinger, Die wirtschaftliche Bedeutung der bayerischen Klöster, 1903.

***) Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 7-oe изд., 1910.

ходки. Заметим, что и на Руси сбор меду и вощаное дело составляли серьезную статью в бюджете церкви: так, церковь св. Иоанна на Опоках в Новгороде имела исключительное право взвешивания воска; в Торжке вощаная пошлина делилась между церковью св. Петра и церковью св. Иоанна; в Торопце сбор меду и вообще бортное дело было уступлено Ростиславом Смоленским местному епископу и т. д.

Если воск шел на богослужение и на освещение, то мед употреблялся в большом количестве как сладкая пища и как опьяняющий напиток, когда его смешивали с водой и с какой-то брагой. Неудивительно поэтому, что монастыри и церкви и покупали мед, и продавали его другим духовным учреждениям и светским лицам, если сами имели его в изобилии.

Вина, однако, мед никогда не мог вытеснить, и винная торговля монастырей всегда во много раз превосходила медовую. Подобно воску и меду, вино шло и на богослужение, и на домашние потребности, и с самого начала каждый монастырь особенно дорожил виноградником. Первые сто грамот монастыря Фульды (до 791 г.) содержат указание на семьдесят два виноградника, либо купленные, либо полученные в дар монастырем*). Подобные же цифры приводит Карл Лампрехт для других больших монастырей**). Все они производили массу,

*) Inama - Sternegg, Die Ausbildung der Grundherrschaften in Deutschland während der Karolingerzeit (I-й том Forschungen Шмоллера), 1878.

***) Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, 1886.

вина, и большие площади земли, ныне не обрабатываемые под виноградники, давал и в раннем средневековье прекрасное вино, которым не только гордились монастыри Фрейзинг, Лорш, Герце и Санкт-Галлен, но излишек которого они охотно продавали (*abundanter supperessent, plurimum venundata*). Особенно много вина было у Санкт-Галлена: не хватало места, где его держать, и целые бочки вина лежали во дворе обители под открытым небом (*vasa vinaria non pauca in curte abbatis, deforis quoque sub divo locarentur*). Не удивительно, что его приходилось продавать на сторону, и монастыри выговаривают себе право монопольной продажи в течение определенного времени, — именно тогда, когда зреет виноград и вино сразу в большом количестве поступает на рынок. Право это называлось *bannus vini* и являлось страшным ударом для виноторговцев, вынужденных ждать с предложением своего вина до тех пор, пока монастыри не распродадут значительной части своего вина. Так, в грамоте монастыря Мауэрсмюнстер говорится, что никто, помимо него, не имеет права продавать на рынке вино в течение определенных дней; такая же привилегия была дана Рейхенау, запрещающему на рынке Алленсбах продавать вино, пока аббатское не будет продано (*non vendant, donec res abbatis venudentur*). Трирский монастырь св. Максимиана, обладавший таким же правом, не удовлетворялся, однако, им и шел гораздо далее: если в дни монополии, в частности в день св. Иоанна, ему не удавалось распродать всего вина, он мог послать его на дом тем,

которые почему-либо его еще не приобрели и ныне обязавы были его покупать у монастыря за плату, им установленную (*si quis vinum nostrum emere neglexerit domum ei mittetur et denarii nobis solventur*).

Между тем, для продажи вина у монастырей были большие запасы. Так, Прюм в 1222 году имел 1246,8 модиев вина (модий равен $85\frac{3}{4}$ литр.); монастырь Тегернзее ежегодно производил 6288 модиев; число же потребителей его — монахов было в каждом монастыре очень ограничено. В пору своего наибольшего расцвета, в X веке Прюм насчитывал всего 186 монахов, и для избытка вина необходимо было найти посторонних потребителей, внешней рынок. Отсюда стремление монастырей к винной монополии в смысле права временной продажи (*bannus vini*), отсюда также бесчисленные ходатайства церкви о предоставлении беспошлинного, свободного провоза монастырского вина и права продажи его на всех ярмарках и рынках. И конкуренция монастырского вина была так сильна, что там, где близко один от другого было расположено несколько монастырей, фактически не было ни одного частного виноторговца, несмотря на скопление в данной местности многих виноградников. Так, Алоиз Шульте констатирует наличие одного только виноторговца в нескольких местах, богатых вином и, казалось, дававших возможность виноделию развиваться в широких размерах*). Характерно также, что монастыри в наиболее ранних

*) *Geschichte des Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien*, 1900.

своих денежных операциях требовали временной уступки виноградника в виде залога от своих должников, и так как взимание процентов запрещалось каноническими законами, то монастыри кредиторы себя вознаграждали насчет «естественного приплода» заложенного у них виноградника. Этот «приплод» нисколько не нарушал правила о «бесплодии» ссуды, ибо только «денежка не может родить денешки» (*rescilia rescilianum parere non potest*), все же другое не является непременно бесплодным, а потому монастырь св. Андрея - ле - Ба, дав под залог виноградника 50 солидов, настаивал, чтобы должник представлял ежегодно 12 шеффелей вина в пользу монастыря. Если принять во внимание, что во второй половине X в. шеффель вина в среднем стоил шесть денариев, т. е. $\frac{1}{2}$ солида, то взимаемый монастырем процент был равен 12, т. е. обычному проценту*). В бумагах того же монастыря имеется ряд показаний, свидетельствующих о частоте взимания двенадцати процентов в виде шеффелей вина, при чем явление это характерно не для одного лишь монастыря св. Андрея - ле - Ба, а для очень многих, так что Лампрехт, исходя из обычного процента (12%) на основании количества уплачиваемого вина определяет колебание цен на вино в течение известного периода времени **).

Торговля солью представляла также серьезную статью

*) Ernst Sackur, Beiträge zur Wirthschaftsgeschichte französischer und lothringischer Klöster im 10 und 11 Jahrhundert в Zeitschrift für Sozial- und Wirthschaftsgeschichte, т. I, 1893.

***) Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens im elften Jahrhundert, 1878.

в бюджете церкви. Даже самые ранние грамоты говорят о соляных источниках, полученных монастырями. Так, Карл Великий в 755 г. подарил Герсфельду соляные ямы на реке Верре; в 833 г. Корвей получил аналогичный подарок в Боденфельде от Людовика Благочестивого; магдебургский монастырь св. Морица удостоился соляного источника в Гибихенштейне, Алтайх возле Кюнцига, а Рейхенгалль обладал богатейшими залежами соли*). В дарственных грамотах, данных Зальцбургскому монастырю, сохранились указания на технику соляного производства: посредством особого подъемного рычага (*galgo*) поднимали кверху глыбу и в особых чанах (*patellae*) кипятили отдельные ее части в небольших специальных печах (*fornaces*). В Рейхенгалле было свыше 60 мест для варки соли и с середины мая по 11 ноября (день св. Мартына) непрерывно шла солеваренная работа под открытым небом; исполняли работу специальные крепостные, так называемые соляники, находившиеся под особым надзором *Hallgraf'a*, являвшегося в то же время и их судьей. Монастыри обычно имели для своих соляников отдельные помещения, иногда также им отводились специальные земельные участки. Часть зальцбургских соляников жила в Рейхенгалле, другие в Гмайне и Понне; измерение, упаковка и раскладка соли происходила в особых ящиках, носивших в Баварии название *Scheiben*. Крупные монастыри вывозили много соли и имели опытных специалистов, известных под именем то

*) Erwin Kalischer, цит. соч.; Fastlinger, цит. соч.

майоров, то магистров, для правильной организации транспорта и доставки соли; Ключи в Саленсе пользовался услугами постоянного *monachus salnerius* (соляной монах). На ленных участках в Десселе, принадлежавших монастырю Тегернзее, лежала повинность дважды в год, в мае и осенью, доставлять на четырех телегах тегернзейскую соль из Рейхенгаля к реке Инну. Многие монастыри сдавали в аренду свои соляные ямы, при чем арендные условия были крайне разнообразны. Нечто среднее между арендой и крепостничеством представляли условия Прюмского монастыря, владевшего солеваренным производством в Муайенвике: соляники в течение 8 месяцев (летних и части весенних и осенних) работали на монастырь, остальные четыре месяца они распоряжались добычей по собственному усмотрению; однако, из своей добычи они должны были внести монастырю 75 бурдур (*burdura*) соли и денег 38 солидов 5 денариев.

Большинство монастырей исходатайствовало беспшлинный провоз своей соли; некоторые, впрочем, пользовались лишь ограниченной свободой провоза. Так, Кемптен имел право беспшлинной отправки лишь четырех ежегодных возов; излишек должен был оплачиваться согласно общим правилам. Торговля другими горными и подземными продуктами была очень незначительна; лишь в крайне немногих грамотах и описях говорится о металлах. Так, в Венценлохе указывается на наличие горы, *ubi argentum foditur*, 1 марка; о Фульде говорится, что там плавится железо (*ubi ferrum conflatur*); лишь в местности Горохузум (ныне — Нидермарсберг),

принадлежавшей Корвейскому монастырю, шла оживленная торговля железом, медью и цинком, и упоминается уже в X веке слово «fabrica». В XII веке гора Эресбург у Горохузума дает уже золото, серебро, цинк и свинец; к этому же времени выступает ряд других монастырей, в первую очередь расположенные недалеко от Гарца, а также вестфальский Верден. Однако, никогда монастыри не развили торговли металлами в таких размерах, каких они достигли в винном и соляном деле, являвшихся их главной специальностью.

В Англии, где торговля шерстью составляла основу вывоза из этой страны, монастыри предавались в очень значительной степени шерстяному производству. Монастырская шерсть продавалась оптом сначала итальянским купцам, а впоследствии стала продаваться немецким, входившим в союз городов, известный под именем Ганзы *). В начале XIV века в Англии было не менее 200 пунктов, где монастырями обрабатывалась шерсть. По вычислению Балдуччи-Печолотти, монастыри собирали в год 2877 мешков шерсти или около полутора миллионов флорентийских фунтов. Из одного документа 1284 г. видно, что двадцать два английских монастыря продавали всю свою шерсть флорентийским купцам на срок от двух до одиннадцати лет **). Несмотря на большое количество собственной шерсти, английские монастыри не

*) Josef Kulischer, Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter, Zeitschrift für Volkswirtschaft etc., 1908.

***) Schulte, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs, 1900.

ограничивались лишь продажей ее, а стремились закупать еще чужую шерсть для того, чтобы на перепродаже ее иметь прибыль и вообще развить торговлю ею в грандиозных размерах. Жители Линкольна жаловались королю Эдуарду I, что цистерцианские монахи скупают во всем округе как шерсть, так и иные предметы, представляя тем самым страшную конкуренцию и отнимая у жителей города возможность заниматься торговлей. Жалобы эти повторялись и позже, и не одними жителями Линкольна, так что Эдуард III в 1344 г. издал распоряжение, коим монахам запрещалось торговать предметами, приобретаемыми ими с целью перепродажи: отныне они могли продавать лишь то, что сами производили. Разумеется, распоряжение это осталось лишь на бумаге; в действительности же английские монастыри по-прежнему скупали по дешевой цене чужую шерсть в большом количестве, продавая ее вместе с собственной заграничным купцам из Ганзы или (несколько раньше) торговцам из Италии, Фландрии и Франции. Великий реформатор Джон Виклиф (1320 — 1384 гг.) в резких выражениях порицал английское духовенство за его торговлю овцами, скотом и лошадьми. Подобные заявления, явившиеся далеко не одиночными, свидетельствуют о том, что никто серьезно не считался с законами, стремившимися ограничить свободу торговли духовенства. В целях наживы последнее ни перед чем не останавливалось: синоды возмущались, что монахи скупают *res pauperum vel minus potentum* («предметы бедняков и мало имущих людей»), что они навязывают мелким и бедным крестья-

нам самые низкие цены, что они спекулируют на голоде, продают дорого, покупают черезчур дешево, имеют разные весы при продаже и покупке, эксплуатируют всячески нужду, — все эти жалобы подкреплялись и иллюстрировались многочисленными фактами, но дело от этого нисколько не менялось, и все оставалось попрежнему: духовенство занималось лишь тем, что давало ему прибыль, выгоду, стараясь оправдать сделанную ему голландским цистерцианским аббатом Гильбертом из Свингеда характеристику: «эти люди, повидимому, родились и воспитывались не в духовном месте, а где-либо за прилавком (*nati et edocti videntur non apud monachatum, sed apud mercatum*)». Разве не «прилавочным» характером парижского епископа и многих других представителей духовенства этого города следует объяснить тот факт, что они давали в марте месяце 1072 года нуждавшимся в деньгах виноторговцам семь или восемь денариев, получая от них при сборе винограда в августе такое количество вина, которое по меньшей мере стоит двенадцать денариев? Подобного рода сделки с хлебом, вином и маслом были особенно часты и назывались *sescuplae usurae* (полуторное ростовщичество): в богатые хлебом дни давали вперед определенную сумму, исчисленную в хлебе, и получали ее обратно опять-таки в хлебной валюте, поднявшейся в цене, т. е. фактически получали в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем давали. Этим путем запрет о ростовщичестве не нарушался, а дававший ссуду получал желанный им процент *).

*) Max Neumann, Geschichte des Wuchers in Deutschland bis zur Begründung der heutigen Zinsengesetze, 1865.

«Прилавочность», о которой мы выше говорили, характеризовала и действия тех монахов, которые, по словам Ворчестерского синода 1240 года, скупали хлеб на корню (*bladi crescentis in terra*), нанося вред всем, не исключая и собственной души (*suaginnique praejudicium animarum*). Да, торгошеский дух охватил все духовенство, и даже святая Иветта рекомендовала, в обеспечение бедных сирот, пускать деньги в оборот и вложить их в какое-либо коммерческое предприятие; повидимому, для успокоения как своей, так и чужой совести, святая прибавляла: «ведь так поступать вошло в привычку многих честных людей» (*sicut multi et honesti... facere consueverant*).

Как велики были торговые аппетиты монастырей, видно из того, что они не удовлетворялись Европой, а искали применения для своих сил и в других частях света. Так, аббатство св. Виктора в Марселе обратилось к властям с ходатайством, чтобы ему была уступлена половина города Гибайля; итальянский монастырь Ла-Кава получил от короля Балдуина IV право свободного ввоза всяких товаров на своих судах в гавань Иерусалимского королевства, а также продажи их на протяжении всей его территории. Из Апулии также выходило в Палестину во время Крестовых походов немало судов, принадлежавших различным духовным учреждениям, сумевшим взглянуть на Святую землю не только как на объект, подлежащий освобождению от насилий полумесяца, но и как на почву, на которой можно с большой выгодой для себя сеять семена вся-

ких торговых предприятий и промышленных начинаний. Духовным крестоносцам в этом отношении показал пример патриарх Фортунатус, занимавший с 803 г. по 830 г. патриарший престол в Венеции и посылавший в дальнее плавание по Средиземному морю ежегодно свои четыре судна, для которых он получил от Карла Великого привилегию свободной морской торговли между берегами Италии, Малой Азии, Сирии и Палестины *). Как все это противоречило учению отцов церкви, в частности возмущению торговлю Иоанна Златоуста, для которого каждый купец был олицетворением обмана и лжи, так как при торговых сделках ведь так трудно очутиться вне греха (*difficile est inter eminentis vendentisque commercium non intervenire peccatum*)! Недаром отдельные монахи, бия себя в грудь, говорили об авгиевых конюшнях церкви, и в XIII-м веке по адресу богатого монастыря Рейхенау были популярны строфы из «*Planctus Augiae*», где, между прочим, говорилось: «здесь некогда были защитники слабых, теперь тут организовались гнезда жестоких разбойников (*hy defensores humiles quandoque fuerunt, nunc se raptores crudeles constituerunt*)» и т. д. **).

О доходах некоторых баденских монастырей в XIII веке дает сведения «Книга десятинного сбора 1275 года», из которой Готтлоб в нами несколько раз

*) Heynen, Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig, 1905.

***) Schulte, Ueber freiherrliche Klöster in Baden в Festprogramm zur Feier des Grossherzogs Friedrich, 1896.

уже цитированном труде опубликовал несколько отрывков. Мы узнаем из этой книги, что доход в 1275 г. в серебряных марках равнялся:

в Санкт-Галлене	1042
» Салеме	1000
» Сент-Блазиене	993
» Бебенгаузене	700
» Вейнгартене.	700
» Тенненбахе	500
» Рейхенау	410
» Веттингене	400
» Шафгаузене	391
» Вейсенау	361

IV.

Кредитные операции монастырей. В своих поисках за пожертвованиями церковь часто говорила материалистическим языком, доказывая своим жертвователям, какую выгодную с точки зрения коммерции сделку заключают они, когда покупают вечное, уплачивая нечто временное, когда приобретают дорогое за дешевую цену, прочное взамен преходящего (*eterna temporalibus, cara vilibus, durabiliora perituris comparentur... felici commercio placuit*). Купить вечное спасение души значит, помимо всего прочего, совершить прибыльное дело, и Блюнийский монастырь очень рано стал обозначать в своих записях приобретение душевного спасения терми-

ном mercari *). «Покупайте, покупайте за быстро преходящее, мимолетное земное удовольствие — вечное небесное блаженство! В премию можно получить небесное царство» (mercari possit premium sibi celestis regni).» И полились широким потоком в пользу церкви различные «донации» (дарения). Так как земля составляла в Средние века основное богатство общества, то пожертвования выражались прежде всего и главным образом в виде дарения церкви земельных участков, — отсюда неимоверный рост земельного могущества церкви, отсюда превращение церкви в сенъерию со всеми ее преимуществами и привилегиями. Но не о единой земле жив человек: натуральный режим средневековья знал, помимо земельного богатства, и иные виды имущества, хотя последние, разумеется, были сравнительно слабо развиты. Неудивительно поэтому, что в распоряжение церкви одновременно, с землей поступали и движимые ценности, в частности, золото и серебро — не столько в форме монет, сколько в виде различных драгоценных предметов. С ростом торговли увеличивалось поступление денег, а когда в связи с переходом к адерации, т. е. к денежным сборам, вместо натуральных, церковь требовала от держателей земельных участков платежа деньгами (хотя бы частью), церковно-монастырские кассы быстро стали наполняться звонкой монетой, и духовенство сделалось, наравне с земельным магнатом, и

*) Sackur, Beiträge zur Wirthschaftsgeschichte französischer und lothringischer Klöster im 10 und 11 Jahrhundert в Leitschrift für Social- und Wirthschaftsgeschichte, I.

денежным тузом. Уже в X веке за право быть похороненным на монастырском кладбище платили либо земельным наделом (*mansus*), либо деньгами: монастырь Савиньи близ Лиона требовал за погребение (*pro sepultura*) 30, чаще 40 солидов; такую же цену установил и Со; в редких случаях цена падала до 10 солидов; редки были в X веке и подъемы цены: почти везде фигурирует цифра 40, заменяющая законный земельный участок (*40 solidos aut unum mansum legalem*). Так как кладбищенское место обычно покупалось при жизни, то будущий покойник обязывался в случае оставления им каких-либо средств (*aliquid habere poterimus*) прибавить еще кое-что к уплаченным уже сорока солидам; но обязательство это носило условный характер, и договор нередко подчеркивал, что погребение может произойти и без всякой доплаты (*sine aliquo precio*), если наследники либо родственники не будут в состоянии удовлетворить требований погребальной администрации. Цена, однако, сильно повышалась, если смерть постигала покупателя могилы где-либо далеко от монастыря (*si in alia regione finis mihi evenerit*): перевоз тела в тогдашние времена представлял большие затруднения, и монастыри ставили новые условия, требуя от близких покойника доплаты за расходы по погребению. На это не было определенной таксы, и из-за умершего в дальних краях нередко шел горячий спор между аббатом и наследником купившего почетную могилу в монастырском дворе. Однако, подобного рода приношения не давали большого количества денег. Главным источни-

ком обогащения монастырей служил переход к денежным взиманиям с крестьян, сидевших на церковной земле и плативших ценз, выражавшийся все чаще и чаще в монете, вместо прежних натуральных повинностей *). Эти суммы становились все более и более значительными, так что в X веке монастырь Солем мог уже выдать вицеграфу Адемару 400—500 солидов, а об одном клюнийском приоре рассказывали, что на разные ссуды им было выдано от трех до четырех тысяч солидов **). В монастырях стали накапливаться капиталы, которые в случае нужды пускались в оборот, и Клюнийский монастырь, наприм., в 972 г. для выкупа одного лица из плена уплатил тысячу фунтов; через несколько лет тот же монастырь выдал 17.130 солидов.

*) Разумеется, адерация (*adaeratio*, переход к деньгам) шла постепенно и зигзагообразно; иногда даже трудно сказать, имеем ли мы дело с адерацией или с натуральными повинностями. Так, Верденский монастырь получал от своих крестьян в Эммерихе 180 модиев хлеба, 50 возов дров, 300 кур, 100 яиц и $33\frac{1}{3}$ солидов, т. е. небольшая доля повинностей приняла характер адерации, в то время как более значительная часть попрежнему оставалась натуральной. То же явление имело место и позже, даже в XII веке, в монастыре св. Людгера в Гельмстете. Нередко самим крестьянам предоставлялось право выбирать между денежными и натуральными повинностями, при чем последние заранее сводились к определенному денежному знаменателю. Так, в Санкт-Галленском монастыре требовали ценза, т. е. шести модиев вина, либо шести денариев, либо вещей на эту сумму, что из этих трех видов всего легче (*ex his tribus facilius invenire*).

***) Sackur, цит. соч.

Наличие свободных капиталов в монастырских кассах не могло не вести к выдаче ссуд нуждавшимся в деньгах лицам. На первых порах ссуды эти определялись крестьянам, временно или случайно оказавшимся в тяжелом положении, из которого спасти их мог легче монастырь, чем светский ростовщик, специально подкарауливавший впадавших в нищету землевладельцев. Вскоре случаи эти осложнялись другими, и монастыри вступают на путь настоящих кредиторов. К ним за деньгами обращаются все, кому только нужны деньги. Граф Рихберг, выдавая свою дочь замуж (*quando filia sua nupsit*), просит монастырь Блейденштадт (в Рейнской области) одолжить ему 12 марок; весьма знатный (*nobilissimus*) рыцарь Видо из Сени, желая привлечь к себе симпатии многочисленных родственников (*plurimos parentes*) своей невесты, ходатайствует пред монастырем Сен-Ванн о 12 серебряных фунтах. Епископ Гизельберт из Барселоны строит церковь и умоляет монастырь св. Виктора оказать ему денежную поддержку; отправляющийся в поход в Италию рыцарь получает от Сен-Ванна в долг определенную сумму, оговаривая, что в случае его смерти по дороге или в бою (*si in via vel expeditione*) деньги обратно будут отданы святым братьям из этого же монастыря. Гораздо чаще деньги брались у монастырей в долг на дорогу в Иерусалим и вообще пилигримами в разные святые места; срок — обратное возвращение (*quousque revertar de Ierusalem*). Часто также монастыри ссужали попавших в плен, а еще больше тех, которые в силу необходимости (*ductus necessitate*)

обращались к монахам за материальной поддержкой. Под тяжестью нужды оказывались иногда даже короли и императоры. Так, Генрих III заложил ради денег свою корону, которую монастырь Герсфельд вернул лишь тогда, когда ему было обеспечено возвращение денег. Генрих IV неоднократно обращался к разным монастырям; Алтайхский монастырь дал ему на устройство большого похода, при чем были даны не только деньги, но и золото и серебро (*ituri in expeditionem non habuimus omnia necessaria... que habuit Altahensis in auro et argento nobis mutuo sunt concessa*). Иногда монастыри давали деньги евреям и менялам с тем, чтобы участвовать в их прибылях, как об этом свидетельствует ряд синодов, осудивших тех представителей духовенства, которые *apud Judaeos pecuniam suam locant* (помещают свои деньги у евреев); осуждение, впрочем, распространялось и на участников христианских финансовых предприятий, в основе которых лежала банковская деятельность. Однако, осуждение это не имело большого практического значения, что видно из того факта, что при банкротстве итальянских банкирских контор Перуцци и Барди в их книгах оказалось, что фирмы эти должны были духовенству 550 тысяч флоринов. С другой стороны, известны случаи, когда «участие» духовенства в еврейских предприятиях и банкирских делах выражалось в том, что менялы и евреи, в силу особых привилегий церкви, должны были из своих доходов отдавать некоторую часть в пользу духовных учреждений, при чем последние не-

редко прибегали к насильственным мерам для получения причитающейся им доли *).

Ссудная деятельность монастырей была бы немислима, если бы канонические правила о недопустимости каких бы то ни было процентов действительно соблюдались духовенством. Но с самого начала был найден путь удобного обхождения этих правил. Путь этот заключался в требовании залога со стороны должника, притом такого залога, который приносил бы пользу кредитору за ту услугу, которая им была оказана дебитору. В земледельческом обществе, каким по преимуществу были Средние века, залогом служила обычно земля, которая могла вполне вознаграждать кредитора за его деятельность, и практика обеспечения себя землей с ее плодами все более и более утвердилась. Постепенно вводились оговорки в том духе, что случайный недород не должен вредить интересам займодавца, и должник наперед устанавливал размер урожая заложенного участка. Так, в 1002 г. монастырю Энэ (Ainay) обеспечивался в том году, когда «земля не принесет плодов, один модий вина»; варианты подобного обеспечения, выраженного в разных продовольственных предметах, легко найти во многих договорах духовных учреждений с частными лицами. Нужно, однако, заметить, что очень часто займодавцы в своих операциях не столько стремились к временному пользованию плодами заложенного участка, сколько

*) Max Neumann, Geschichte des Wuchers in Deutschland, 1865.

к его приобретению, к его присвоению. Дело в том, что заложенная земля обычно превышала стоимость ссуды, и займодавцу было крайне выгодно, если должник оказывался неплатежеспособным и впадал в неоплатный долг: по договору земля тогда переходила к кредитору, к монастырю. Этим объясняется, во-первых, почему монастыри так охотно стремились к краткосрочным ссудам, с трудом возвращаемым, и во-вторых, почему духовные учреждения так быстро округляли свои владения заложенными землями. Разумеется, против чрезмерных аппетитов займодавцев нередко поднимались голоса негодующего протеста, и мы наблюдаем, как одновременно ограничиваются пределы пользования плодами заложенного имущества и как все резче подчеркиваются интересы собственника-должника, которому предоставляется право закладывать свое имущество сразу у некоторых кредиторов. Вюртембергское земское право защищало интересы должника тем, что закон признавал легальным залог лишь в том случае, если стоимость его приблизительно совпадала с величиной полученной ссуды. Дитмарские законодательные акты запрещали должнику закладывать свои вещи ниже суммы, в которую они могли быть оценены, не считая шести марок и четырех пфеннигов в виде штрафа за возможное невнесение долга в указанный в договоре срок. На практике, однако, издаваемые в пользу дебиторов меры не имели значения, и духовенство приобретало по дешевой цене данные ему в залог предметы, вызывая, правда, бесконечные упреки в ростовщичестве, каковым термином окрестили ссуду под

обеспечение земельных участков с предоставлением выгод их использования займодавцу*). «Это было, говорит Лампрехт, тем более правильно считать ростовщичеством, что кредитор всячески ограждал свои интересы на случай своего недостаточного вознаграждения и обязывал должника указать размеры выгоды от пользования его имуществом, при чем обязательства эти обеспечивали кредитору более высокий процент, нежели тот, который он мог бы получить, если бы занимался обычным ростовщичеством».

Формы обеспечения были очень сложны: в случае смерти должника залог оставался за займодавцем, который вообще ухитрялся создавать такие условия, чтобы не выпустить из рук того, что раз уже к нему попало. Монастыри скупали, где только могли, право на заложенные вещи в расчете на то, что в конце концов им удастся приобрести за бесценок чужое имущество и этим путем увеличить свои собственные богатства**). По словам французского исследователя Женестала, монастыри обычно давали $\frac{2}{3}$ стоимости закладываемого имущества, обогащаясь таким образом на целую треть — в том очень частом случае, когда в силу разных причин заложенное имущество становилось их собственностью***).

*) Техническим термином этой ссуды в XI веке был — *mort-gage*.

***) *Lamprecht. Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftslebens im XI Jahrhundert, 1878.*

****) *Rénestal, Gôle des monastères comme établissements du credit, 1901.*

Ссуда, дававшая заимодавцу беспрепятственно пользоваться плодами полученного в залог имущества и называвшаяся *mort-gage*, представляла для монастырей ту невыгодную сторону, что должник мог в любое время выкупить обратно заложенную землю и расстроить таким образом те расчеты, которые создавали монастыри. Неудивительно поэтому, что *mort-gage* не привилась в виде окончательного института в экономическом быту средневековья и вытеснялась вечной покупкой ренты (*perpetuis temporibus—justo locationis titulo*). Собственник определенного недвижимого имущества, чтобы получить под него деньги, продавал его кредитору, а затем тотчас получал его обратно на правах зависимого владельца, обязанного вечным ежегодным платежом (в деньгах или продуктах). Рента уплачивалась покупщику, его наследникам или каждому держателю рентного документа, получившего его по передаточной надписи, а позднее и без нее; если рента бывала непосильна, должнику предоставлялось право бросить имущество и тем освободиться от уплаты ренты; других способов легального прекращения платежей у него не было. Должник не мог, например, вернуть первоначально взятую им ссуду, равно как кредитор не мог ее потребовать от должника. На первых порах нельзя было установить нескольких рент на одно и то же имущество (*cens sur cens n'a lieu*); но позднее, в виду падения ценности рентных платежей и вздорожания имуществ, множественная рента сделалась обычным явлением, и имущества нередко отягощались разным числом рентных платежей.

Монастыри проявили в деле покупки ренты необыкновенное усердие, объяснявшееся тем, что рента служила постоянным, вечным доходом, дававшим возможность установить прочное здание хозяйственного бюджета, а с другой стороны, покупка ренты не считалась предосудительной финансовой операцией и, будучи по существу обыкновенной формой дачи денег в рост, не находилась под запретом канонических законов. Последние считали ее простой покупкой (*venditio*), так как она носила вечный характер, и покупатель ренты не получал обратно своего капитала (*sortem*). Правда, вскоре, в связи с продажей ренты нескольким лицам и с отпадением момента передачи земельного участка нуждавшемуся в деньгах земледельцу, возникло среди духовенства сомнение, является ли действительно покупка ренты «беспроцентным, неростовщическим делом», и авторитетные представители церкви разнo отвечали на вопрос о характере этой сделки; в конце-концов, однако, синод 1603 г. в Бриксене вынес решение, что покупка ренты не противоречит ни естественному, ни божескому праву (*non esse contra jus naturale nec divinum*), а потому церкви и монастыри могут смело ею заниматься. Решение это было встречено крайне неодобрительно Клавдием Сальмазием, выдающимся лейденским профессором XVII века. В своем известном сочинении «О ростовщичестве» Сальмазий не боится дать об этом синодальном постановлении следующий отзыв: «не могу понять, почему под проценты ссужать деньги воспрещается, а получать ежегодные суммы, что составляет новую форму процентной ссуды, одобряется (*non intelligere possum, cur mutuari*

sub usuris vetitam, reddituum annuorum venditio hac nova forma approbata sit».)

Не следует думать, что духовенство, в частности монастыри, гнушалось обычной процентной операцией и не занималось возмездной дачей денег. Наоборот, многочисленные жалобы синодов свидетельствуют, что церковь проявляла в этом отношении большую активность, и отдельные лица употребляли немало усилий на то, чтобы искоренить из среды духовенства ростовщическое зло, заклеянное как ветхим, так и новым завещанием (*utriusque instrumenti documenta*). Но зло это не поддавалось излечению, и как раннее, так и позднее средневековые одинаково вынуждены констатировать распространенность его среди всех слоев духовенства. Уже Никейский собор 325 года возмущается тем, что лица духовного звания занимаются ростовщичеством, в особенности той его формой, когда за данное количество предметов взыскивается полуторное (*sescupla*). Папа Лев I Великий через столетие вторично осуждает процентные сделки, находя, что они совершенно недопустимы и достойны строжайшего наказания, если им предаются лица духовного звания. Но выступления эти не имели практического значения, и вормский епископ с грустью констатирует в 829 г., что духовенство попрежнему продолжает взимать с бедняков высокие проценты и не желает ни за что от этого отказаться. То же наблюдение делает в том же IX веке и базельский епископ Гатто, убеждающий своих младших товарищей вступить на путь истинного благочестия и не пользоваться тяжелым положением крестьянина, прибегающего за возмездной ссудой к пред-

ставителям церкви. Но то, чего не могли сделать постановления синодов и проповеди отдельных епископов, сделала жизнь: хозяйственная анархия, наступившая в Европе в IX веке и продолжавшаяся свыше двух столетий, уничтожила обменный, товарный характер экономической структуры того общества и свела почти на нет денежные, кредитные операции: в Европе денег почти не было; в них не нуждались, и никто естественно не был ни банкиром, ни финансистом, ни кредитором, ни дебитором. Крестовые походы вызвали к жизни и новые потребности, и новые источники обогащения; они сильно подорвали прежний натуральный режим и дали очень существенный толчок денежному, обменному, товарному хозяйству. Отныне без кредитных сделок жизнь была невозможна, и мы видели, как благодаря им оживала экономическая деятельность Европы. На сцену появляется крупный торговец, берущий и дающий в долг и, следовательно, совмещающий функции кредитора и дебитора, а подчас и менялы, и банкира.

Церковь улавливает этот момент и начинает свою широкую финансовую деятельность, ростовщического характера которой не могли скрыть никакие фивовые листки канонических запретов. Так, в начале XIII века нормандское аббатство Сен-Маркуф давало крестьянам различные мелкие суммы, которые через год оно взыскивало в увеличенном размере, считая 33% годовых*).

*) Kulischer. Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter в Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung, 1908.

Сольмский граф должен был архиепископу 100 марок (1331 г.), которые он обязуется вернуть через четыре года, уплачивая ежегодно 10 марок. Одному монастырю в Силезии в 1425 г. крестьянин должен 10 марок, подлежащих возврату через четыре года; процентов крестьянин платит полмарки; в случае невозможности вернуть взятую сумму в срок, крестьянин в год платит целую марку. Вестминстерскому аббатству была заложена в 1430 г. английская королевская корона и за некоторое время до коронации ее необходимо было выкупить. Тридентский собор 1593 г. горько жалуется на то, что «в бесчисленном множестве мест» духовенство предается ростовщичеству (*innumerabilibus locis clericorum foenus commemoratur*) *). Недаром поэтому некоторые местные законодательные сборники ставят духовенство и евреев на одну доску: так, говоря о бамбергском юридическом памятнике XVI века, Цепфль замечает: «В нем, как и во многих других местных правовых нормах того времени, духовные лица и евреи приравнивались друг к другу». И народ также нередко сближал тех и других и говорил в одинаковом тоне о евреях и попе, как о представителях ссудных операций. Иногда священники прятались за спину евреев, давая им деньги с тем, чтобы евреи отдавали их в рост и часть заработка уступали заимодавцам. Бамбергский синд 1491 г. осудил тех, которые помещают у евреев

*) Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des franzes. Wirthschaftslebens, 1878, в Forschungen Шмоллера, I том; — cго-же, Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter, 1886.

свои деньги для того, чтобы получать от евреев проценты; в то же время синод порицал и тех, которые берут у евреев деньги с целью заниматься ростовщичеством *). У евреев брать ссуды было особенно выгодно, ибо часто можно было их — не возвращать. Еще со времени Крестовых походов папы освобождали крестоносцев от еврейских долгов; этот пример римской курии оказался заразителен, и светская власть подчас злоупотребляла им. Так, в 1346 г. Людвиг Баварский разрешил вюртембергским графам Эбергарду и Ульриху не платить следуемых с их отца евреям денег. Карл IV расширил эту льготу на всех подданных этих двух графов, при чем скостил все долги, заключенные ими до 1 апреля 1349 г., то-есть почти до момента издания этой милости. В 1361 г. тот же император разрешил не платить никаких долгов евреям, если их должники внесут в императорскую казну 10 - 15 % следуемого долга. Император Венцеслав трижды в течение 1390 года даровал подобные льготы целым областям, а городам Ротенбургу, Виндсгейму, Швейнфурту и Вейсенбургу предоставил за небольшой подарок полную свободу от еврейских долгов **). Этот узаконенный грабеж сопровождался, разумеется, нередко незаконным, насиль-

*) Rösel, Unter dem Krummstab. Zwei Jahrhunderte Bamberger Geschichte, 1896.

***) Max Neumann, Geschichte des Wuchers in Deutschland, 1865 Kober, Die rechtliche Lage der Juden im Rheinlande в Westdeutsche Zeitschrift 1909. Riemer, Die Juden in den Niedersächsischen Städten des Mittelalters в Zeitschrift d. histor. Vereins für Niedersachsen, 1907 в 1908.

ственным: во многих местах нападали на займодавцев-евреев, рвали и сжигали долговые обязательства, выданные им христианскими должниками, и забирали все имущество в виде наказания за ростовщичество. В этих массовых погромах проявлялось в грубой форме то же стремление освободиться от долгов, какое составляло сущность указанных выше императорских и папских декретов, и недаром бесхитростный летописец эрфуртского монастыря при виде разгрома еврейского имущества и массового уничтожения долговых расписок говорит: «я полагаю, что испорченность евреев — в больших, бесконечных денежных суммах, которые им должны бароны и рыцари, городские и деревенские обитатели (*credo, fuisse exordium judaeorum magnam et infinitam pecuniam, quam barones cum militibus, cives cum rusticis iis solvere tenebantur*)» *). В некоторых местах власти боролись с разгромом кредиторов-евреев и шли на законный грабеж, т. е. на прощение христианских долговых обязательств или на их сокращение. Так, городская администрация Фрейбурга в Брейсгау объявила в 1338 г., что она берет под свою защиту евреев и обеспечивает им их долги и процентные заработки (*schulde, gülte und gelübde*), но вскоре она же установила для евреев определенную высоту процентной нормы, перешагнуть через которую, под страхом строгой кары, не мог ни один ростовщик **). Майнцский архиепископ был гораздо либе-

*) O. Stobbe, Die Juden in Deutschland während des Mittelalters, 1866.

**) A. Lewin, Die Juden in Freiburg in B., 1880.

ральнее по отношению к ростовщикам и запрещал лишь сложные проценты; обычной же нормы ни для кого не установил, но в 1457 г. потребовал от евреев возвращения всем христианам давно полученных процентных сумм, повидимому, в наказание за то, что евреи вносили сложные проценты. Некоторые города изгоняли из своей среды ростовщиков и запрещали иметь с ними какие бы то ни было сношения; в большинстве случаев, однако, изгнанникам через короткое время разрешалось вернуться, так как горожанам трудно было обходиться в своей экономической жизни без посреднической роли кредиторов. Такое сознание вело к смягчению канонических правил о запрещении процентных ссуд и к вытеснению евреев-ростовщиков христианами, которые получали право на занятие процентными выдачами даже от самых суровых представителей церкви. Раз последняя открыто пошла по этому пути, для монастырей и отдельных богатых лиц духовного звания не было уже никаких препятствий к свободному эксплуатированию населения путем взимания с него самых высоких процентов. На этой почве между евреями и духовенством создавался даже ряд конфликтов: монастыри и духовные учреждения хотели присвоить себе ростовщическую монополию и в евреях видели нежелательный и даже опасный, с точки зрения конкуренции, элемент. Так, францисканские монахи, прибывшие из Флоренции во Францию, добивались от Филиппа Красивого монополии в кредитном деле и стали хлопотать о выселении евреев из Франции, которые до францисканцев занимались кре-

дитными операциями. В видах достижения своей цели монахи инсценировали ритуальное убийство и святотатственное осквернение гостии; общественное мнение после этого стало резко враждебным к евреям, и почва для проведения францисканского плана была хорошо подготовлена. Сам король относился к евреям исключительно с точки зрения финансовых интересов своей казны: изгнание сулило ему конфискацию большого имущества, и он в 1306 г. изгнал евреев из пределов Франции, разрешив изгнанникам взять с собою по 12 су и платье, которое было на них; все остальное еврейское имущество перешло к королю, а францисканцы сделались монополистами на ниве ростовщичества. До издания акта об изгнании Филипп Красивый позаботился, однако, о том, чтобы все задолжавшиеся у евреев христиане в срочном порядке внесли им следуемые деньги для того, разумеется, чтобы добыча короля была действительно внушительной. Повидимому, акт 1306 года пришелся по вкусу поклонникам св. Франциска: ежегодно с тех пор вплоть до XX-го века в церкви св. Франциска в Париже упоминалось о чуде, совершившемся во время попытки евреев осквернить гостию, будто послужившей поводом к изгнанию евреев из Франции *).

*) Еврейская Энциклопедия (на русском языке) в 16 томах, изд. Брокгауз-Ефрон, под словом «Франция». Jules Simonnet, *Le Clergè, les Lombards et les Juifs en Bourgogne* в *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences, arts et belles-lettres de Dijon*, 1865.—S. Gauthier, *Des Lombards dans les Deux Bourgognes*, 1907. G. Caro, *Sozial und Wirtschafts-geschichte der Juden*, t. II, 1918.

Не безнаказанно, однако, церковь в течение многих веков проповедывала против ростовщичества: даже занимаясь им, она поневоле отдавала дань своей проповеднической деятельности и для прикрытия своих финансово-ростовщических операций нередко прибегала к разным ширмам, которые в большинстве случаев через некоторое время сами пропитывались тем же духом ростовщичества и сливались с тем, что они согласно своему назначению должны были скрывать. Одной из таких ширм первоначально были даровые ссудные кассы, устраивавшиеся монастырями и церквами и названные ими горами благочестия (*montes pietatis, berge der mildigkeit*) в противоположность светским кредитно-ссудным кассам, прозванным церковью горами преступного ростовщичества (*montes pravitatis usurariae*).

Горы благочестия или, попросту говоря, ломбарды на первых порах выдавали под залог беспроцентные ссуды всем нуждающимся и должны были бороться с банками и прочими ссудными учреждениями, которые за их публичное ростовщичество осуждала церковь с некоторыми, впрочем, оговорками в тех случаях, когда учреждения эти функционировали с ведома или согласия местных или центральных властей. Само собою понятно, что даровые ссуды не могли прочно существовать, и церковь применяла почти героические усилия, чтобы поддержать свое детище; она взывала к совести верующих, чтобы они жертвовали в пользу гор благочестия, чтобы они держали в них свои фонды,

будущее приданое своих детей, назначенные для наследников суммы и т. п. За помощь этим учреждениям прощались грехи; лица низшего рождения возводились в дворянство, незаконнорожденные становились полноправными гражданами и выдавались особые премии тем, кто обнаружил больше всего заботы о горах благочестия. Несмотря на все это, средства даровых ссудных касс быстро истощались, и церковь стала утверждать, что допустима процентная ссуда в покрытие расходов по ведению гор благочестия. Так последние стали взимать с нуждающихся сначала пять, а потом и десять процентов. В сравнении с 40 %, взимавшимися прочими ссудными кассами, действия монастырско-церковных учреждений были не только совершенно невинны, но и заслуживали, пожалуй, поддержки; принципиального различия между обоими категориями банков, однако, не было, и раз было допущено взимание процентов, то все здание гор благочестия рухнуло как бы само собой, и перед церковью стал вопрос о том, допустимо ли существование учреждений, публично и официально занимающихся ростовщичеством и находящихся под особым покровительством высшего духовенства. Вопрос этот горячо дебатировался; практические соображения, в конце концов, взяли верх, и церковь высказалась в пользу гор благочестия, которые еще до решения спора приняли характер, который в очень незначительной степени отличал их от «гор преступного ростовщичества». Постепенно совершенно стерлась грань между этими двумя типами гор, и даже сами папы обращались за возмездным кре-

дитом к горам благочестия. Так, Павел IV одолжил у горы благочестия на девять лет сто тысяч скуди для покрытия долга, накопившегося в курии в связи с заупокойным молебном в память Юлия III и Марцелла II, а также с выборами нового папы. Папа платил проценты в возмещение расходов по содержанию и ведению ссудного учреждения: легко понять, что этой формулой можно было санкционировать всякое ростовщичество, и монахи, принимавшие столь активное участие в организации ссудных касс, действительно были типичными ростовщиками, приемы которых нередко заставляли население жалеть о том, что изгнанные из города евреи не могут конкурировать с духовенством и вынуждать его уменьшить высоту взимаемых процентов. Имперские законы 1548 и 1577 годов, говорившие в одинаковых терминах о еврейских процентах и христианском возмещении убытков, связанных с предоставлением постороннему лицу капитала, объединяли в одном чувстве народного озлобления как иноверцев, так и чистых католиков, предававшихся ростовщическим занятиям. Но как можно было возмущаться верующими католиками, когда сам римский папа Калликст III в булле от 6 мая 1455 года допускал взимание 10, 13 и 14 процентов — *aut plus vel minus secundum temporis qualitatem* (больше или меньше в соответствии с временем)? Размер процента, по мнению Калликста III, должен зависеть лишь от договаривающихся сторон — и больше ни от кого (*prout ipsi contrahentes inter se convenerant*). Церковь уже давно понимала, что жизнь властно тре-

бует кредитных, процентных сделок, но лицемерно представляла это дело евреям — во избежание большего зла (*ut majus malum evitaretur*), т. е. чтобы мешать христианам им заниматься. Мало того, духовенство поощряло евреев посвящать себя ростовщичеству (*die Kirche will sy in dieser Sunde belassen*), и император Фридрих II в своих «*Constitutiones regni Siciliae*» говорит, что в угоду папе он оставил те статьи, которые разрешают евреям заниматься кредитными операциями (*Judaeos tantum excipimus, in quibus non est argui fenus illicitum divina lege prohibitum: quos constat non esse sub lege a beatissimis patribus constituta*). Вскоре, однако, «меньшее зло» и «грязное дело» пришлись по вкусу духовенству. Оно прельстилось «высокой еврейской прибылью», и стало доказывать, что не следует мешать представителям церкви заниматься процентными ссудами до тех пор, пока курия окончательно не выскажется по этому поводу (*presbyteros non esse inquietandos, quosque sancta Sedes decisivam definitionem emisit*) *).

Нужно заметить, что и светское общественное мнение никак не могло занять определенной позиции по отношению к ростовщичеству, и в то время как север Германии, ведший значительную заморскую торговлю, нисколько не осуждал ни кредитного, ни ростовщического дела, юг той же Германии, не имеющий больших сношений с заморскими странами, строго относился ко

*) M. Neumann, цит. соч.

всякого рода кредитно-ростовщическим операциям *). Это различное отношение севера и юга одной и той же страны к одному вопросу побудило Рошера выставить общее положение, сводящееся к тому, что там, где сильнее рост народной потребности в производительности, действует слабее голос осуждения ростовщичества. В Италии, согласно этому положению, не должно было быть никакого возмущения ростовщиками, в особенности в тех ее частях, которые со времени Крестовых походов и даже раньше вели обширную иностранную торговлю **). И действительно, во Флоренции, по заявлению Данте, все были охвачены духом наживы и ростовщичества, — не только буржуазия, но и рыцари и истые дворяне. Подтверждение этого заявления мы находим у летописца XIV века, характеризовавшего флорентинцев словами: «у них всегда пылает страсть к наживе (*semper ardet ardor habendi*)». Историк Флоренции эпохи Лоренцо Великолепного Веспасиан, прозванный флорентийским Плу-тархом, говорит о своем родном городе, как о гнезде, в котором кишат ростовщики и всякие аферисты, набивающие себе карманы самыми предосудительными путями. То же констатирует известный итальянский историк XVIII века Людовико Антонио Муратори, который в своих «Анналах» приписывает купцам или ростов-

*) Endemann, Studien in der romanisch kanonistischen Wirthschafts-und Rechtslehre, I, 25; его же, Beiträge zur Kenntniss des Handelsrechts в Zeitschriftübers. gesam. Handelsrecht, V.

***) W. Roscher, Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland, 1874.

щикам (*mercatores sive foeneratores*) величие Флоренции в течение XII и XIII веков. Все эти писатели подчеркивают факт равнодушного отношения флорентинцев к ростовщичеству и как бы подтверждают общие положения Рошера и замечания Эндемана о разном отношении северной и южной Германии к вопросу о процентных ссудах.

Однако, учение церкви о предосудительности ростовщичества находило отклик и здесь, в той самой Флоренции, где вечно пылала страсть к наживе. Не безнаказанно проповедают одно и то же в течение многих веков и столь хитрые на выдумки флорентинцы, о которых в Средние века говорили, что для их изобретательности нет ничего непреодолимого (*Florentinis ingenii nihil ardui est*), старались примирить жизнь с церковностью или обойти как-нибудь последнюю, чтобы, не впадая в грех ростовщичества (*peccato dell'usura*), дать возможность купцам наживаться и брать под проценты всякие суммы, если только от этого предполагается большая нажива *). В статутах многих цехов обнаруживается эта изобретательность флорентинцев: кто давал ссуды под проценты своим товарищам по цеху, не мог быть избран ни в судьи, ни в консулы и ни на какие высокие и почетные должности. Со середины XIV века цехи как бы бойкотируют слово «процент» и заменяют его словом «подарки», при чем за нарушение срока возврата ссуды допускается и неприятное слово

*) R. Pöhlmann, *Die Wirthschaftspolitik der florentiner Renaissance und das Princip der Verkehrsfreiheit*, 1878. Rumohr, *Italianische Forschungen*, 1852.

«процент», так как неаккуратный плательщик подлежит наказанию в качестве человека, не исполнившего слова. И в чем не провинившийся же член цеха не должен платить никаких процентов; цехи во второй половине XIV века избирали даже специальные комиссии для отпущения процентных сумм (*ad remittendum usuras*), и комиссии эти, на первых порах рассматривавшие деятельность ростовщиков лишь в отношении товарищей, вскоре стали обсуждать деяния ростовщиков и вне круга цеха, к которому принадлежали ростовщики и которые, по видимому, были не профессионалами, а ремесленниками, располагавшими свободным капиталом. Впрочем, в цехи были организованы и крупнейшие купцы, так что приходится иметь и их в виду, когда говорится о ростовщиках, членах того или иного цеха. Эта вражда к ростовщичеству к началу XV века приняла усиленный характер, и консулы обратились к духовенству за помощью в деле борьбы с ростовщичеством, при чем задача гласила, что необходимо совершенно искоренить в людях это преступление (*ut usurarum pravitas inter homines omnino evanescat*). На этот раз к людям были причислены даже евреи, и хотя во всей Флоренции, по официальным данным, всего было три еврея, которые были занесены в матрикулы «сословия врачей и бакалейных торговцев», тем не менее запрещение заниматься кредитно-ростовщическими операциями распространилось и на них, и закон 1415 г. гласил: *nullus hebraeus sive judaens cujusque loci originarius — expresse vel tacite, directe vel per obliquum aut sub aliquo colore*

vel astutia audeat mutuare ad usuras quantascunque, т. е. никакой еврей или иудей, откуда бы он ни происходил, не должен заниматься в какой бы то ни было степени ростовщицеством, ни открыто, ни тайно, ни прямо, ни косвенно, ни под каким видом, ни под какой ширмой. В отличие от всех предыдущих постановлений, касавшихся христиан-ростовщиков, закон 1415 г., имевший в виду исключительно евреев, упоминает уже о штрафе и угрожает 1.000 эллотых гульденов нарушителю его: прежнее моральное воздействие считается, повидимому, уже недостаточным или во всяком случае к евреям должно быть дополнено чем-то материальным в виде определенного штрафа. Но флорентинцы слишком деловые люди, чтобы принимать репрессивные меры по отношению к ростовщикам только потому, что этого требуют разные постановления синодов и церковная идеология: они сами строят свою теорию предосудительности кредитных операций и борются с последними во имя необходимости пускать капитал в торговлю, в постоянные обороты и употреблять его на производительное дело, а не на мертвое, каким флорентинцы считали дачу денег под проценты. Отныне репрессии мотивируются вредностью мертвого, накопленного капитала, и выставляется лозунг о живом, деятельном, производительном капитале, приносящем действительную пользу всем гражданам государства: *proibito di cumulare senza bisogno grandi somme* (запрещено накапливать большие суммы без употребления их)*.

*) Göhlmann, цит. сочин.

Теория эта быстро была опрокинута жизнью: флорентийские коммерсанты, нуждаясь в деньгах и не имея возможности прибегать за ссудами к местным гражданам, обращались за ними в Венецию, Геную, Рим и другие города, которые наживались за счет своеобразного преломления канонического запрета в учении Флоренции. Само правительство вскоре заметило несообразность своей теории и стало поддерживать необходимость энергичного насаждения ломбардов или дешевых кредитно-ссудных касс, которые под заклад вещей давали бы из пяти ежегодных процентов небольшие суммы. То было нарушением теории накопления, тем большим, что им занималось государство с благословления флорентийского архиепископа и францисканского ордена. Но государственные ломбарды нуждались в деньгах и для дешевых выдач, и для других целей: желая «накопить» у себя значительные средства, они стали платить вкладчикам пять процентов, т. е. не оставили камня на камне из своей теории. И если государство само занималось ростовщичеством (всякий процент официально считался ростовщичеством), то как можно было преследовать за это преступление отдельных граждан и во имя чего можно было пресекать развившуюся контрабандную ссуду, тем более опасную, что риск оплачивался сторицею теми, кто действительно нуждался в деньгах для своего предприятия? И кто станет вкладывать излишек своих средств в государственный ломбард с его 5%, когда на стороне платили 40 и даже 50 процентов? Государство само запуталось в своих вы-

кладках, и когда ему монадобились деньги для ведения войны, то согласилось платить «патриотам» более высокий процент: с этой целью внесший в ломбард 100 флоринов получал квитанцию на сумму в триста флоринов с тем, чтобы иметь на свои сто флоринов не три, а пятнадцать процентов. Недаром ведь флорентинцы на выдумки хитры! Мало того, частным банкам, создание коих было признано необходимым, разрешалось брать 25%. Наконец, в 1430 г. во Флоренцию были призваны, подобно варягам, евреи, которым разрешалось взимать 20% с христианских должников, — и мера эта мотивировалась необходимостью удешевить ссудные выдачи, положить предел необузданности христианских кредиторов (*la repubblica vollendo mettere qualche freno*) и вырвать из рук хищников монополию в деле снабжения деньгами тех, которые в них нуждаются. Так, крупнейший торговый центр средневековья, испытывав на себе влияние проповеднической деятельности духовенства, в конце концов примирился с фактом кредитных операций, без которых не мог свободно развиваться нарождавшийся капитализм.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДУХОВНО - РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА.

I.

Орден тамплиеров. Духовно-рыцарский орден тамплиеров или храмовников был основан в начале XII века в виду необходимости защиты паломников в Святую землю и гроба господня от неверных. Подобно всем рыцарям, храмовники клялись «ни шагу не отступать пред неверными» и обнаруживали чудеса храбрости в борьбе с мусульманами. Но рыцарство их было своеобразным: являясь защитниками христианства, храмовники прониклись аскетическим мирозерцанием того времени и сочетали монашеские обеты с чисто рыцарскими взглядами*). Так на почве Палестины, а затем и в ряде западно-европейских государств возникли духовно-рыцарские ордена, члены которых не были монахами, но и не были мирянами; это были хорошо дисциплинированные люди, да-

*) Эйкен, История и система средневекового мирозерцания, 1907.

вавшие обет целомудрия и бедности и проявлявшие истинное мужество в борьбе за торжество креста на Востоке *). Такое слияние военного дела с монашеским вызывало на первых порах некоторое недоумение среди религиозно настроенных людей, и потребовалось вмешательство св. Бернарда Клервоского, чтобы успокоить совесть верующих. «Нет такого закона, — говорил св. Бернард, — который запрещал бы христианину поднимать меч. Евангелие нигде не говорит воинам: бросьте оружие и откажитесь от воинского дела; оно лишь запрещает несправедливую войну, особенно между христианами. Было бы запрещено избивать и язычников, если бы каким-нибудь другим путем можно было помешать их вторжениям и отнять у них возможность притеснять верных. Нет для избравших себе воинскую жизнь задачи благороднее, чем рассеять этих жаждущих войны язычников, отбросить этих слугителей скверны, мечтающих отнять у христиан сокровища в Иерусалиме, осквернить святыне места и захватить в наследие святилище бога». Так появилось воинство божье, *militia Dei*, новое рыцарство. «Сам Христос, вооружившийся не мечом, а бичом, чтобы изгнать из храма продавцов, служил прообразом поселившихся на месте храма Соломона тамплиеров» **). Христов рыцарь убивает безгрешно и умирает со спокойною совестью; он — каратель злых и спаситель добрых; он — не человекоубийца, а злоубийца (*malicidia*).

*) W. Arnold, *Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte*, 2 тома, 1854.

***) Л. Карсавин, *Монашество в Средние века*, 1912.

«Великое счастье умереть в боге, но счастливое то, кто умирает за бога».

Пользуясь особым уважением за свои «злоубийства», орден храмовников, по примеру монастырей, получал в дар от верующих всевозможного рода преподношения, в первую очередь, разумеется, значительные участки земли. К этим донациям нужно прибавить и то, что давалось храмовникам на временное хранение. Дело в том, что в Средние века церковные помещения считались под особым покровительством, и потому всякое нападение на них каралось особенно сурово, так как оно приравнялось к святотатству. Эта защита тем более должна была распространяться на храмы ордена, что они и фактически прекрасно охранялись тамплиерами, считавшимися особенно мужественными рыцарями. Храм тамплиеров был, таким образом, как бы двойной крепостью: его охранял божий мир, его защищал и меч рыцаря. Неудивительно поэтому, что сюда миряне относили все то, в целости чего они были особенно заинтересованы. Дома тамплиеров были в глазах многих своеобразными складочными местами, куда бережно передавались наиболее ценные предметы, могущие стать приманкой для тех, кто не привык отказываться от завладения дорогой, но чужой вещью. Лучшего запора, чем вывеска тамплиеров, в те времена нельзя было и придумать.

Так, в парижском храме ордена тамплиеров хранился ради вящей безопасности в дни царствования Людовика Святого образцовый ливр (фунт), который был идеальной монетой для французского королевства

того времени. Когда в Руане была введена та же монета, представитель руанской власти явился в парижский храм для проверки веса новой монеты с идеальной, образцовой Людовика Святого. Оригинал договора, заключенного в 1258 г. между Людовиком Св. и послами английского короля Генриха III, хранился в помещении тех же тамплиеров, что и образцовая монета, так как и он представлял большую ценность *). В 1261 г. на десять лет была положена в парижский храм тамплиеров английская корона в виду того, что король боялся держать ее при себе в Лондоне при том недовольстве, которое охватило значительную часть английских баронов. Лишь в 1272 г. Генрих III получил обратно свои драгоценности, тщательно проверив инвентарную опись с той распиской, которая была выдана тамплиерами в 1261 г. французской королеве, игравшей роль посредницы между храмовниками и английским королем. Когда Филипп Красивый, нуждаясь в деньгах во время войны с Англией, стал в 1296 г. конфисковывать хранившиеся в парижских монастырях и духовных учреждениях значительные суммы епископа винчестерского, то он в храме тамплиеров нашел 440 ливров, спрятанных там названным епископом.

Но не только парижский храм ордена считался надежной крепостью; такой же репутацией пользовался и лондонский. Так, Иоанн Безземельный в 1204 и

*) Léopold Delisle, Mémoire sur les opérations financières des Templiers в Mémoires de l'Institut National de France, том 33, часть II.

1205 г. отдавал туда на хранение свои драгоценности, а в 1214 г. он отправил туда тайный договор со своей тетей королевой Беренжер. Когда вице-канцлер Англии отправился 16 мая 1220 г. в Канторбери, он оставил королевскую печать в лондонском храме, не находя нигде более надежного места. В том же году grosмейстеру ордена английский король поручил держать в храме значительную сумму денег, а в 1237 г. сестре императора была внесена часть приданого в размере десяти тысяч серебряных марок из хранившегося в лондонском ордене капитала. В 1263 г. английский наследник (будущий Эдуард I) ворвался в храм тамплиеров в Лондоне и, несмотря на протесты «братьев», открыл ряд сундуков и забрал около десяти тысяч фунтов стерлингов, принадлежавших купцам и баронам, в свое время туда их поместившим. Иногда в храме ордена хранились деньги лишь короткое время, как бы на текущем счету. Так, в 1266 г. дублинский архиепископ распорядился о выдаче флорентийским купцам 100 фунтов стерлингов и 550 марок из денег, находившихся на его счету в лондонском храме. Подобные приказы в XIII веке получали храмовники в Сен-Жилле, Монпелье, Рошели, Сент-Вобурге и т. д. Так в одном завещании от 18 октября 1254 г. мы читаем: «и специально те суммы, которые я вложил в храм ордена тамплиеров в Монпелье, завещаю своей дочери Филиппине (et specialiter ea, que deposui in domo milicie Templi de Monte Pessulano, reddantur et resti-

tuentur Filippe, filie mee) *). Когда тамплиеры отправлялись в долгий путь, например, на борьбу с мусульманами на Востоке, они нередко брали с собою хранившиеся у них фонды. Так, в 1250 г. во время египетского крестового похода их заставили дать 30.000 фунтов для выкупа попавшего в плен Людовика Святого. Не желая выдать этой суммы, храмовники ссылались на то, что без согласия вкладчиков их суммы носят неприкосновенный характер, и спорящие стороны сошлись на том, что при получении денег храмовники должны были проявить видимость сопротивления «конфискации» чужого имущества, хранящегося на судах у берегов Египта. Храмовники держали «на текущем счету» иногда даже недвижимое имущество. Так, в 1158 г. французский король Людовик VII, и английский король Генрих II, условившись о величине приданого своих детей, которые должны были через несколько лет вступить в брак между собою, предоставили три поместья парижскому ордену как бы в секвестр (*tanquam in sequestro custodigentur*) до дня свадьбы. Из текущих счетов храмовники подчас выдавали по частям согласно приказу вкладчиков. Так, Иоанн Безземельный внес в кассу храма в Ларошели 2500 фунтов с тем, чтобы ежегодно из этой суммы выдавалась в размере 500 фунтов пенсия герцогине Ангулемской. Этот же король отправил в тот же храм очень значительную сумму денег, которую частями

*) E. Delisle, цит. сочин.

должны были получать бароны, проживавшие во Франции и всегда готовые перейти на ее сторону, если король Иоани Безземельный не будет аккуратно их подкупать своими пенсиями. Когда графиня Лейчестер не согласилась признать заключенного между английским королем Генрихом III и Людовиком Святым договора, Генриху пришлось внести в Парижское отделение ордена 15 тыс. марок, служивших гарантией, что интересы вдовствующей графини не будут нарушены упомянутым договором. В начале царствования Филиппа Красивого буржский прево Камюс де Мэлан должен был внести 200 ливров в кассу ордена тамплиеров в обеспечение штрафа за проступки, в которых его обвиняли; в 1290 г. парламент разрешил половину суммы выдать обратно Мэлану с тем, чтобы вторая половина была перенесена на счет короля. С течением времени в кассах тамплиеров скопилось так много денег, что во Франции для обозначения большого богатства говорили: «богат, как рыцарь-тамплиер».

Хранились ли эти суммы в кассе тамплиеров, как мертвый капитал, или они пускались в оборот в целях наживы и обогащения ордена? Официальные книги духовников не дают определенного ответа на этот вопрос, но факты, значения которых не может скрыть никакое лицемерие, с достаточной ясностью свидетельствуют о том, что тамплиеры далеко не разделяли церковного учения о том, что деньги не должны рожать денег (*pecunia pecuniam parere non potest*). Прежде всего, устанавливается тот факт, что тамплиеры давали деньги

взаимы, и во время второго крестового похода, например, король Людовик VII прибег к ним за займом. В 1205 г. несколько купцов, прибывших из Кагора в Лондон, должны были уплатить за право ввоза товаров 20 марок: эти деньги они одолжили у лондонских тамплиеров. Двое из этих купцов имели какие-то коммерческие дела с парижскими тамплиерами. Английский король Иоанн Безземельный часто обращался за ссудой к тамплиерам, и по его обратным взносам можно сделать заключение, что ссуды эти были не безвозмездны и что ему приходилось платить проценты. Когда Иоанн вызвал к себе на помощь рыцарей из Пуату, он просил в долг у тамплиеров Лондона 1100 марок и тысячу марок у духовников Пуату; повидимому, словесные заявления короля вернуть ссуды были найдены недостаточными, и Иоанну пришлось в виде залога дать известное количество золота. Иногда к храмовникам за ссудой обращались даже монастыри. Когда в начале XIII века Ключинский монастырь переживал денежный кризис, он получил сначала 2000 серебряных марок от Иннокентия III, а в 1216 году тысячу от парижских тамплиеров, причем поручительницей за ссуду явилась графиня Шампани. Константинопольский император Балдуин II, под залог креста, взял у сирийских духовников огромную сумму серебра. На острове Кипре в 1249 г. у местных тамплиеров был сделан заем в 3750 турнуаских фунтов с обязательством их вернуть на предстоящей ярмарке в Ланьи в Шампани. За невозвращение трех тысяч фунтов в срок Жофруа из Сержина и его сын обя-

зались уплатить тамплиерам штраф в размере взятой суммы. Так как оба до срока умерли, а вдова сына вышла замуж за Жана из Арти, то тамплиеры привлекли к ответственности Жана и его жену; их присудили к немедленному внесению трех тысяч фунтов, при чем вопрос о штрафе, убытках и процентах подлежал обсуждению суда через некоторое время.

Имея отделения во многих странах и являясь по существу интернациональной организацией, орден храмовников очень рано взял на себя задачу перевода денег с места на место, при чем перевод этот часто носил лишь бумажный характер, так как подлежащие пересылке деньги на самом деле не посылались, а лишь переводились со счета одного лица на счет другого либо со счета одного учреждения на счет другого. Так Иоанн Безземельный переправлял деньги из Англии во Францию и обратно через посредство тамплиеров, которые, получая в Англии от короля деньги, извещали своих французских собратьев о выдаче равнозначущей суммы представителю английского короля во Франции. В этом отношении услугами ордена пользовались и папы. Так, в 1208 г. Иннокентий III поручил им выдать иерусалимскому патриарху тысячу фунтов. Переписка Гонория III свидетельствует, что он собирал следуемую курии десятину при посредстве тамплиеров; особенно часто через них посылались деньги в Святую землю во время Крестовых походов. Так, когда в 1188 г. была установлена так называемая саладинская десятина (специально для организации борьбы с султаном Саладином), представи-

тели духовно-рыцарских орденов вошли в комиссию для сбора этих денег по всей Англии и для отсылки их на место назначения. Точно так же Иннокентий III в 1201 г., введя налог в размере $\frac{1}{50}$ доходов ряда аббатств на предмет помощи крестоносцам, поручил провести его в жизнь тамплиерам, в кассу которых стекались на время все поступления. В таком же направлении действовал Гонорий III, когда установил специальное обложение в размере $\frac{1}{20}$ доходов на дело борьбы с азиатскими мусульманами. В силу распоряжения Гонория, епископы Нойона и Мо, как и клюнийское аббатство, отослали собранные ими деньги парижскому отделению тамплиеров. В 1281 г. в тамплиерской кассе накопилось так много денег для крестоносцев, что папа Мартин IV, против которого возник бунт в Риме, распорядился выдать 100 тыс. фунтов французскому королю Филиппу Смелому для набора войска в целях подавления римского бунта. Впрочем, папы сносились с храмовниками по денежным делам вне всякой связи с духовными предприятиями. Так, Григорий X, взявший у купцов ссуду в 15 тыс. серебряных марок, поручил парижским тамплиерам вернуть эти деньги к определенному времени. К храмовникам обращались за мелкими ссудами отдельные крестьяне, при чем они обычно давали в залог свои земельные участки, остававшиеся в руках ордена навсегда в случае невозможности уплаты в срок взятого займа. В этом отношении между деятельностью монастырей и храмовников наблюдается полная аналогия, и документы разных орденов свидетель-

ствуют о крайней распространенности этого вида финансовой деятельности среди всех представителей церкви.

Французские тамплиеры были настолько опытные в финансовых делах, что нередко они находились во главе финансового управления королевства и исполняли функции, соответствующие функциям современных министров финансов. Так, в царствование Филиппа Августа в течение 25 лет королевская казна управлялась казначеем ордена храмовников братом Гаймаром (Haimard), которому удалось, между прочим, после присоединения Нормандии к Франции установить в новой провинции ходкую по всему королевству монету и вытеснить старую; казначей тамплиерского ордена и управляющий финансами французского короля Гаймар в то же время исполняет всякие финансовые поручения римской курии, направляется в Рим к Иннокентию III для переговоров о сборе всяких десятин, следит за правильным поступлением денег на дело Крестовых походов и выдает ссуды как духовным, так и светским лицам. В 1222 г. Филипп Август назначает его одним из трех своих душеприказчиков*). Преемником Гаймара в качестве министра финансов Франции был опять-таки казначей ордена тамплиеров брат Жан де Милли, исполнявший эти функции с 1228 г. по 1234 г. В царствование Людовика Святого личная королевская касса находилась в парижском храме тамплиеров, и понятно, что нередко деньги, принадлежавшие королю, попадали к тамплиерам, равно как орденские постуле-

*) Luchaire, Philippe-Auguste, 1884. Delisle, цит. сочин.

ния стекались в казну Людовика. Так, в 1238 году тамплиеры получили королевских денег: тысячу фунтов от мэра Бовэ, 344 фунта 6 солидов и 6 денариев и из Орлеана, 2487 фунтов вторично из Бовэ, 800 фунтов из Бара, свыше 670 из Шалона и свыше 319 из Шамтосо. Однако, в 1240 году Людовик, недовольный поведением тамплиеров во время битвы при Газе (в Сирии), прекратил совместное пребывание ордена и казны, но, повидимому, вскоре отменил свое решение, и тамплиеры снова продолжали получать всякого рода поступления за счет королевской казны*). При преемнике Людовика казна также находилась в храме и даже почти совершенно слилась с кассой ордена, так что чиновники получили приказ отправлять из провинции королевские деньги в тамплиерскую кассу в Париже. Само собою понятно, что главный казначей ордена был в то же время и главным казначеем королевской кассы и сосредоточивал в своих руках отчасти финансовое управление страной. Сила и богатство тамплиеров вызывали зависть среди очень многих, и история ордена представляет ряд нескончаемых столкновений между рыцарями и духовенством, не желавшим признавать их равными себе. Что они были действительно крайне богаты, в этом нет сомнения; однако, прав, повидимому, Ли**), когда он говорит, что многие в своей оценке богатства тамплиеров заходили слишком

*) E. Boutaric, Saint Louis et Alphonse de Poitiers, 1870. E. Bleger, Saint Louis et Innocent IV, 1893. Sepet, Saint Louis, 1898.

**) Ли, История инквизиции в Средние века, 1911—12.

далеко, и что контраст между их вчерашним процветанием и сегодняшним падением невольно заставлял современников прибегать к разным преувеличениям, в которых Ли относит, между прочим, слова Виллани о том, что «могущество и богатства тамплиеров были неисчислимы». Однако, и позднее мы находим аналогичные оценки имущества ордена. Так, аббат Иоганн Триттенгейм категорически заявляет, что орден тамплиеров был самым богатым из всех монашеских орденов не только деньгами, но и землями, городами, и замками, разбросанными по всем странам Европы. Вильке в переводе на довоенные современные деньги определяет доход храмовников в двадцать миллионов талеров и утверждает, что в одной Франции они могли выставить армию в 15.000 всадников *). Цеклер приводит еще более увеличенные цифры: по его определению, доход тамплиеров не был ниже 54 миллионов франков, и орден без сомнения насчитывал свыше двух десятков тысяч рыцарей **). Гавеман утверждает, что тамплиеры по своему могуществу и богатству смело могли конкурировать с самыми сильными князьями христианского мира ***), а Мальяр де Шамбюр полагает, что в момент уничтожения ордена тамплиеров в нем было до тридцати тысяч человек и они пользовались доходами в 8 миллионов турецких ливров. Оспаривая эти цифровые данные, Ли со ссылками на

*) Wilcke, Geschichte des Ordens der Tempelherren, 1860.

***) Otto Zöckler, Kritische Geschichte der Aszese, 1897.

***) Havemann, Geschichte des Ausgans des Tempelherrenordens, 1846.

подлинные документы констатирует, что в 1244 г. орден тамплиеров во всем христианском мире имел лишь девять тысяч замков, что составляет сравнительно с девятнадцатью тысячами замков ордена госпитальеров не такое уже большое богатство. Тем не менее, замечает Ли, благосостояние ордена было более, чем достаточно, чтобы возбудить алчность королевских хищников, в первую голову Филиппа Красивого, известного также под именем Фальшивомонетчика, который и покончил с орденом, выдвигая против него обвинение в ереси в то время, как в действительности преступление тамплиеров состояло в том, что они, подобно самому королю, всего более на свете заботились об увеличении своего богатства. Что это можно было поставить в вину духовному ордену, — на этот счет сомнений быть не должно; но что Фальшивомонетчик наложил свою карающую руку на тамплиеров, — это одна из тех гримас истории, которые тем более отвратительны, что они сопровождаются низким лицемерием и гнусной ложью: Филиппу никогда не было никакого дела до каких-либо ересей и единственным мотивом, которым он руководился в своей политике по отношению к тамплиерам, была низкопробная корысть, стремление овладеть чужим богатством. Все, что «плохо лежало», должно было перейти к Филиппу: так действовал он по отношению к евреям, так поступал он и с тамплиерами. К несчастью для Филиппа, он не принял во внимание, что конфискованные имущества тамплиеров, как собственность духовенства, были подчинены неотъемлемым правам церкви, и папа настаивал,

чтобы Филипп в письменной форме обязался, что употребит конфискованные у тамплиеров имущества исключительно на нужды Святой земли. Филипп дал требуемое обязательство, и Климент V в нескольких буллах торжественно заявлял, что Филипп выказал в этом деле свое безкорыстие и вернул все имущество тамплиеров по принадлежности. Папа, однако, не дооценил, повидимому, всей ловкости короля: из-за наследства тамплиеров между курией и королем началась борьба, в результате которой Филипп Красивый в конце концов сохранил за собою права, от которых он притворно отказался *). Общественное мнение христианского мира было возмущено поведением Климента и Филиппа во время процесса мнимых еретиков - тамплиеров, и Годфруа Парижский, вероятно, выражал общее настроение, когда говорил: *l'on peut bien décevoir l'eglise, mès l'on ne peut en nule guise Dieux décevoir* (легко можно обмануть церковь, но ни в коем случае нельзя обмануть бога) **).

Как бы то ни было, Филипп добился того, чего желал, и с конца 1307 года финансовые затруднения его заметно уменьшились: он, во-первых, освободился от необходимости уплатить 500 тыс. фунтов, которые он взял взаймы у тамплиеров, а во-вторых, в его руки попали огромные имущества и всевозможные ценности, в

*) H. Prutz, *Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens*, 1888.

**) I. Gmelin, *Schuld oder Unschuld des Templarordens, Chronique métrique de Godefroy de Paris* (изд. Buchou), 1893.

которых он никогда не давал никому отчета*). С удивительной настойчивостью Филипп требовал уплаты всех долгов, сделанных ордену, и до 1322 г. его преемники занимались взысканием их; ввиду крупного денежного обмена между Западом и Востоком, организованного тамплиерами, их денежные претензии были очень значительны, и надо думать, что Филипп знал, как следует применять закон об уплате долгов, взятых у осужденных еретиков. Примеру Филиппа последовали иностранные короли, и началась невероятная сатурналия грабежа в ряде государств; даже благочестивый Роберт Неаполитанский навлек на себя гнев Климента за то, что не вернул имений тамплиеров. Слабый Эдуард II английский робко пытался сохранить имущества тамплиеров; значительную часть их роздал недостойным любимцам, а за возвращенные госпитальерам потребовал компенсации. Монашеские ордены не отставали от королей и князей и захватывали часть добычи: доминиканцы, картезианцы, августины, цеститины—все фигурировали среди наследников разграбленного имущества. Характерно, что против рыцарского ордена тамплиеров везде искусственно возбуждалась ненависть, как против опасных еретиков и хищных эксплуататоров, из-за которых многие гибнут на эшафотах и кончают свою жизнь в нищете. В этом отношении, по мнению Каро, заметен контраст между двумя категориями жертв Филиппа Красивого: в то время как к изгнанным из Франции евреям общественное мнение не было

*) Ли, цит. соч.

настроено враждебно, и только отдельные бывшие их дебиторы облегченно вздохнули при мысли о возможности неуплаты долгов, к тамплиерам, наоборот, относились крайне сурово, и великий специл выказал им свое возмущение их поведением *). Быть может, это равнодушные к изгнанию евреев, в связи с продолжающимся ростом налогов и с выжиманием из народа его последних соков, побудило короля Людовика X в 1315 году, т. е. через каких-нибудь 9 лет после акта Филиппа об изгнании, дать евреям разрешение вернуться на старую родину во Францию и обещать им особое королевское покровительство, обещание, которого до Людовика X не давал им ни один представитель династии Капетингов. Король готов был вернуть евреям те синагоги и кладбища, которые еще не были проданы; подлежали также возврату не распроданные еще книги, за исключением талмудических, запрещенных церковной цензурой. Если бы это показалось евреям недостаточным, король обещал не вчинять ни одному еврею процесса за его прошлую деятельность: изгнание должно было покрыть еврейские преступления своеобразной амнистией, и все прошлое должно было быть забыто. Мало того, им обещалась треть той суммы, которая будет взыскана с их христианских должников, при чем последние ничего не выиграют от возврата одной трети, ибо остальные две трети поступят в королевскую казну. Евреям, наконец,

*) Georg Caro, Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Juden, 2-ой том, 1918. Jules Simonnet, Le clergé, les Lombards et les Juifs en Bourgogne в Memoires de l'Academie de Dijon, 1865.

торжественно было обещано двенадцатилетнее спокойное проживание во Франции; если же после 12 лет король найдет целесообразным снова изгнать их из страны, то недвижимость евреев на этот раз не будет конфискована, но в течение целого года до изгнания она свободно будет продаваться кандидатами на изгнание по их собственному усмотрению.

Нужно заметить, что Филипп Красивый до изгнания евреев старался извлечь из них все, что только можно было. Так, в 1299 и в 1302 годах он обложил евреев чрезвычайным налогом, а в 1303 г. распорядился, чтобы администрация заставила христианских дебиторов немедленно уплатить евреям следуемые им деньги. Это внезапное и неожиданное благоволение к евреям было, по выражению Бутарика *), прелюдией к несправедливости, примеры коей Филипп легко мог найти в соседних странах. Специальные комиссары вплоть до изгнания евреев взыскивали в их пользу разные долги, заставляли христиан платить для того, чтобы в год изгнания конфисковать у изгнанников максимальную сумму. Характерно, что герцог Бургундии не одобрял усердия короля в деле взыскания с христиан еврейских долгов и не желал подчиниться распоряжению 1303 г., не догадываясь о том, что оно является «прелюдией» к чему-то полезному для королевской казны. Однако, уход евреев из Франции отразился на интересах значительных слоев городского населения, которое стало жа-

*) La France sous Philippe le Bel, 243.

ловаться, что отныне за ссуду приходится платить христианским ростовщикам гораздо более высокие проценты, чем евреям, жившим во Франции до 1036 г. и занимавшимся дачей денег в рост. В жалобах указывалось на то, что место евреев заняли духовные и светские лица христианского вероисповедания, своими действиями и вымогательствами заставляющие всех жалеть об изгнании евреев. Жалобы эти подтверждаются одной нормандской летописью *), в которой, между прочим, говорится, что ныне нельзя одалживать денег «d'aucuns crestiens clerics et lays, qui prestoient à si grand usure quelle passoient à double celle que ly jufs prenoient (ни у каких христиан, ни у духовных, ни у светских, так как они берут такой процент, который в два раза превышает тот, который взыскивал еврей)». Когда Людовик X разрешил евреям вернуться во Францию, то предоставил им право давать ссуду, взимая два денье в неделю с ливра, т. е. получать 40⁰/о, — повидимому, в сравнении с взимаемым духовными и светскими лицами христианского вероисповедания процентом это был небольшой, допустимый процент! Правда, евреев-ростовщиков ограничили в других отношениях: они могли давать деньги только под заклад и не могли брать никаких расписок или векселей, имеющих законную силу **); еврей не мог

*) A. Barabé, Recherches historiques sur le tabellionage royal, principalement en Normandie.

**) § 15 грамоты о возвращении евреев гласил: ils ne presteront sur lettres mes que sur gages. а § 16: nulz ne sera contrain par nous à paier usures queles que eles soient à juis.

привлечь к суду неоплатного христианина - должника, но зато он был спокоен, что король не изгонит его из Франции вместе со всеми его другими соплеменниками до истечения двенадцатилетнего срока, данного евреям королем Людовиком X в 1315 г. Однако, эта уверенность евреев оказалась слишком неосновательной: маневр Филиппа Красивого с конфискацией имущества был настолько заманчив, что Людовик X не мог против него устоять, и в 1322 году он изгнал евреев для того, чтобы через короткое время их снова впустить во Францию. Началась эра коротких изгнаний, сопровождавшихся обильными взносами в королевскую казну: в годы изгнания взносы составлялись из конфискованных сумм, а в годы возвращения из благодарственных. Пока евреи совершали свои печальные марши туда и обратно, христианские ростовщики, известные под именем ломбардцев, заменили их по всей Франции: в течение первой трети XIV века ломбардцы получили привилегии от короля в Амьене, Лаоне, Мо, Лионе и т. д. Везде духовенство выступало в защиту их; монастыри немедленно обычно завязывали с новыми тришельцами всякого рода дела, о которых автор «*Songe de Vergier*» говорил, что люди начали продавать «время, являющееся измерением движения небесных светил, управляющих всеми телами (*cum tempus sit mensura motus celestis, qua omnia corpora gubernantur*)».

II.

Орден госпитальеров. Началом богатства ордена госпитальеров или иоаннитов является также преимущество хранения в его кассе всего того, что вкладчики считали нужным держать под крепкими замками орденских храмов. Уже в 1204 г. английский король Иоани Безземельный поручил лондонскому гросмейстеру ордена госпитальеров охрану золотой короны, которая в случае смерти короля должна была навсегда остаться в руках ордена. Трудно, конечно, сказать, имеем ли мы здесь дело с простым хранением драгоценного предмета, или налицо скрытая ссуда с дорогим залогом, вызванная нежеланием духовного учреждения заключить предосудительные с точки зрения церкви сделки. Более похожей на обычное хранение сделка от 7 апреля 1278 г. между Карлом Анжуйским и госпитальерами в Эксе, в которой говорится о передаче им зуба апостола Якова и двух волос — одного из бороды св. Варфоломея, а другого из бороды св. Франциска *). Совершенно иной характер носило поручение, данное ордену в 60-х годах XII века венгерским королем Белой III. Король собирался вместе с женой отправиться в Святую землю на неопределенное время и, желая там вести подобающий его положению образ жизни, переправил ордену в Иерусалиме

*) Prutz, Die finanziellen Operationen der Hospitaliter в Sitzungsberichte d. K. B. Akademie der Wissenschaften, München, 1907.

10 тыс. золотых византий на предмет покупки близ Иерусалима, но не в пограничной с турками полосе (prope civitatem Ierusalem, non secus Turcorum fines) значительного имения, ежегодный доход с которого был достаточен для обеспечения королевской чете приличной жизни. После отъезда короля, равно как после его смерти, имение должно было безвозмездно перейти к ордену, при чем никто из наследников Белы III не мог предъявлять каких-либо претензий к госпитальерам или требовать с них какой-либо ренты: если бы сын короля вел после смерти отца в Святой земле борьбу с неверными, то в этом случае ордену следовало бы выдавать сыну короля оружие и лошадей, но никаких постоянных денежных пособий. Госпитальерам не удалось приобрести для Белы III подходящего поместья, и они ему уступили вблизи Иерусалима благоустроенный участок на тех началах, которые с самого начала были обусловлены договорившимися сторонами. Выгодность этой сделки для ордена на столько очевидна, что лишь одно лицемерие может заставить отнести ее в заслугу ордену, будто посвящавшему себя лишь духовным, возвышенным интересам, а не материальным, низменным.

В деле с венгерским королем Белой III ссудный характер операции старательно сшит, хотя и белыми нитками. В других он выступает совершенно открыто; замалчивается лишь выгодность ссуды, что побуждает нас предполагать, что в огромном большинстве случаев соображения о процентах должны были играть очень существенную роль. Когда папа Александр IV приказал

в 1256 г. иерусалимскому патриарху Якову обратиться за 150 унциями золота к ордену, или когда через год триполитанский кантор с разрешения епископа берет у госпитальеров 1900 турнуаских ливров, то может у нас возникнуть вопрос лишь о процентах, так как о ссуде ведь говорится без всяких фиговых листков и *en toutes lettres*. И нужно заметить, что выдаваемые ссуды были подчас очень значительны. Так, папа Александр III отчасти благодаря денежной поддержке госпитальеров добился тиары, несмотря на противодействие императора. Впоследствии орден и папа находились в большой дружбе и оказывали друг другу немаловажные услуги: один давал деньги, другой — всякие привилегии *). Еще чаще ссудные сделки совершались со светскими лицами. Так, английский король Ричард, покупая остров Кипр, обратился за деньгами к тамплиерам и госпитальерам, которые сообща выдали ему сто тысяч золотых византий, которые на современные золотые деньги составляют 380 тыс. франков, а в переводе на покупательную силу — приблизительно три миллиона франков. Помимо ссуд, госпитальеры занимались перевозом денег и передачей от имени одного лица другому. 15 декабря 1292 г. гроемейстер в Маноске принял пять тысяч солидов, которые жители Маноска должны были внести неаполитанскому королю Карлу II. В Триполи ордену было в 1152 г. одной умирающей завещано все

*) Reuter, Geschichte Alexanders III und der Kirche seiner Zeit, 1860—64.

имущество, за исключением двухсот византийских, которые орден обязался выдать двум племянникам завещателя, при чем выдача должна была иметь место либо в Святой земле, либо во Франции, если племянники не поедут в Сирию. С переводами, как и с депонированием денег происходили иногда у госпитальеров недоразумения, свидетельствовавшие, что среди братьев было не мало людей, не совсем чистых на руку. Спутник Людовика IX по Крестовому походу Жуанвилль горестно жалуется в своем наивном повествовании, как трудно ему было получить обратно четыреста денариев, которые он поместил в кассу ордена. Никто не хотел ему их вернуть, ссылаясь на то, что их получил другой кассир*). Подобный поступок совершил даже grosmeyster Франции Филипп Эгли, как об этом можно судить по булле 1267 г. Клементя IV, в которой говорится о необходимости вернуть взятые значительные суммы денег у нескольких купцов, не желающих простить Эгли этого деяния и готовых поднять по этому поводу неприятный для церкви скандал. В другой раз папа Мартин IV настоятельно требует от французского grosmeystera возврата одиннадцати тысяч турнуаских ливров (около 210 тыс. франков), которые он получил от епископа Руана под предлогом поддержки похода в Святую землю.

Подозрительны были также операции госпитальеров с арендой крупных поместий на Востоке: здесь они старались эксплуатировать страх христиан пред мусульманами

*) G. Paris, Histoire litteraire, XXXII, 1898.

и низводили арендную плату до минимальных размеров. За участок, обычная аренда которого равнялась 4000 византинам, госпитальеры вносили лишь тысячу, т. е. одну четверть. Таким путем госпитальеры сделались крупнейшими арендаторами и часто за бесценок приобретали в собственность лучшие земельные участки. В этом отношении госпитальеры отличались от тамплиеров: последние были в большинстве случаев финансистами, банкирами, ростовщиками, предпочитавшими движимое имущество недвижимому; госпитальеры же, наоборот, старались помещать свободные капиталы в недвижимость, в земельных участках, которые они приобретали всяческим путем, иногда почти уголовным. В результате орден госпитальеров обладал в XIII веке 19.000 поместьями, т. е. больше, чем вдвое по сравнению с тамплиерами, у которых было всего девять тысяч поместий. Каждое такое поместье в среднем могло содержать вооруженного рыцаря, полное вооружение которого в год обходилось в двести византий. По определению Лавуа *) и Шлюмберже **) двести византий составляют 1900 франков; земельное богатство ордена, по тем же расчетам, должно быть определено в 36.100.000 франков; если принять во внимание, что покупательная сила денег в XIII веке была в 8 раз больше теперешней, то в переводе на довоенные франки госпитальеры обладали капиталом в 288.100.000 франков (двести восемьде-

*) Lavoix, Monnaies à légendes arabes frappées par les Croisés en Syrie, 1878.

**) Schlumberger, Numismatique de l'Orient latin, 1879.

сят восемь миллионов). Далее, если земля давала в год госпитальерам 36.100.000 франков дохода, то, принимая во внимание обычный для того времени процент, равный 10, мы получим капитал в 361 миллион франков, который в переводе на современную покупательную силу равняется 2588 мил. франков (два миллиарда пятьсот восемьдесят восемь миллионов). Эти цифры не покажутся столь фантастическими, если вспомнить дороговизну благоустроенных имений на Востоке. За именем Дамор близ Аккона орден в 1253 г. заплатил 12.000 византий, т. е. 114 тыс. франков; за покупку значительных участков земли близ Назарета ордену в 1254 году пришлось сразу внести 24 тысячи византий, которые при переводе на современные франки с их покупательной силой составляли 1.824.000 франков. Через три года в той же местности орден снова купил на 5.000 византий принадлежавшую Юлиану из Сидона землю, а в 1261 году за деревню Кафарлат госпитальерами было уплачено 16 тыс. византий, т. е. 1216 тыс. современных французских франков. При таких затратах не удивительно, что у ордена мог накопиться земельный капитал, насчитывавший несколько миллиардов. Само собою понятно, что не одни только госпитальеры платили такие фантастические суммы; их вносили все те, которые приобретали тогда на Востоке имения и поместья. Так, для выкупа из рук тамплиеров имения Аробе его владелец Амори Барлэ обратился к госпитальерам за ссудой в 14.400 византий, т. е. за суммой, превышающей покупательную силу нынешнего мил-

лиона франков. Впрочем, земельные богатства госпитальеров складывались далеко не из одних покупок: дарения входили в них в очень значительной степени, особенно в Испании, где борьба с арабами вызывала в народе сильные религиозные чувства, проявлявшиеся, между прочим, в щедрых подарках всяким духовным учреждениям, в частности рыцарским орденам, поставившим своею целью борьбу за торжество христианства. Так, король Кастилии и Арагонии Альфонс I в своей последней воле завещал госпитальерам «одну треть своего королевства»; столь же щедры были многие другие высокопоставленные лица. Это обстоятельство, между прочим, навело некоторых исследователей на мысль, что истинной колыбелью ордена госпитальеров или иоаннитов был не Иерусалим, а Испания.

Как бы то ни было, обширнейшие земли госпитальеров, разбросанные на Востоке и в Испании, до известной степени притупляли аппетиты Филиппа IV Красивого, замышлявшего воспользоваться имуществом духовно-рыцарских орденов. Ему ясно было, что удар должен быть в первую очередь направлен против того ордена, который обладал большим движимым богатством и имущество которого было сосредоточено преимущественно во Франции. Вот почему под тяжелым молотом короля-фальшивомонетчика в 1306 году очутились тамплиеры, а не госпитальеры. Мало того, последние по настоянию папы должны были стать наследниками жертв французского короля и к ним должна была перейти вся недвижимость тамплиерского ордена. Трудно сказать, чем

объясняется эта милость Климента V к госпитальерам. «Быть может, замечает по этому поводу Г. Ли, и неправда, что последние щедро оплатили вмешательство в свою пользу, но таково было тогда господствующее мнение, и это прекрасно показывает, какое уважение питали современники» *) как к папе римскому, так и к покровительствуемым им госпитальерам. Вышедшая 2-го мая 1312 г. булла «Ad providam» объявляла, что орден тамплиеров бесповоротно уничтожен и предан вечному запрещению, что всякий, кто пожелает вступить в него, подвергнется отлучению от церкви и что святой престол передает все имущество госпитальерам, за исключением имуществ, находящихся в Кастилии, Арагонии, Майорке и Португалии, на которые предъявляются претензии со стороны королевской власти. Филипп Красивый не решался, однако, выпустить из своих рук богатое наследие и всячески оспаривал у госпитальеров право на получение его. В июне 1313 г. папа Климент в решительных выражениях упрекал его в том, что он отказался предоставить великому наставнику госпитальеров Альберту де Шатонев право управлять имениями французских тамплиеров, и настаивал на необходимости подчиниться постановлению Вьеннского собора 1312 г., определенно присудившего госпитальерам все имущество распущенного ордена. Через год Филипп вынужден был согласиться на требование папы, но сделал оговорку, что

*) Генри-Чарльс Ли, История инквизиции в Средние века, 1910—12.

тамплиерские имения облагаются специальными податями в пользу заключенных в тюрьме тамплиеров и что все расходы, вызванные по делу о закрытии ордена, падают исключительно на госпитальеров. Это решение Филиппа было растяжимо как в отношении размера сумм, так и срока, назначенного для уплаты. Если бы Филипп прожил дольше, то, по мнению знавших его людей, никогда бы госпитальеры с ним окончательно не договорились, но наступившая вскоре от несчастного случая на охоте смерть короля подвинула урегулирование счетов между госпитальерами и королевской властью, и в 1317 г. Филипп V Длинный сохранил за собою, согласно договору, движимость тамплиеров, а также право на доход от недвижимости, которую корона держала в своих руках десять лет; кроме того, госпитальеры взяли на себя обязанность уплатить все расходы, связанные с содержанием заключенных в тюрьмах тамплиеров; король же, взамен всего этого, должен был признать, что бывшее имущество уничтоженного ордена переходит к госпитальерам.

В настоящее время все согласны, что великодушный дар земель тамплиеров скорее разорил госпитальеров, чем обогатил их. Однако, доход их попрежнему был очень значителен и во второй половине XIV века в 18—20 раз превышал доходы французского короля, так что преемники Филиппа Красивого с завистью смотрели на счастливых соперников погибшего ордена. Только этим можно объяснить, что уже в 1325 году Карл IV потребовал для себя и для королевы от

госпитальеров ежегодной ренты в размере тысячи двухсот турнуаских ливров, т. е. 22800 франков. Это была жалкая подачка по сравнению с тем, что выговорил себе за несколько лет до этого его брат король Филипп V Длинный, получивший пятьдесят тысяч турнуаских ливров, т. е. 950.000 франков. В этом отношении Филипп V следовал примеру отца своего, который в момент подписания согласия на переход имущества тамплиеров к госпитальерам потребовал от них 200 тысяч турнуаских ливров, т. е. 3.800.000 франков. Свое требование он мотивировал тем, что в кассе тамплиеров хранились на большую сумму королевские деньги. Это был чистейший вздор: не только королю ничего не следовало, но он сам должен был тамплиерам 500 тысяч ливров (9½ мил. франков), взятых в виде ссуды во время помолвки его сестры, которой он дал очень богатое приданое. Несмотря на протесты госпитальеров, Филипп IV Красивый был неумолим, и ему действительно удалось вырвать у госпитальеров обязательство внести указанную сумму в течение трех лет. Старший сын Филиппа, король Людовик X, тот самый, который объявил крепостное право противоречащим естественному праву и поэтому принуждал крестьян выкупать себя, назначив особенно тяжелую выкупную сумму, не удовлетворялся требованиями Филиппа Красивого и прибавил к ним 600.000 ливров в возмещение расходов по делу перехода имущества от одного ордена к другому. Других требований за двухлетнее царствование Людовика X не последовало. В царствование же Филиппа V

начались новые трения, закончившиеся после нескольких частичных взысканий договором, о котором мы упомянули выше и который известен под названием Третьего соглашения от 6 марта 1317 года.

В то время, как Филипп Красивый наносил удары тамплиерам и замыслил разные козни против госпитальеров, судьба последних решалась далеко не в их пользу и на Востоке. После потери Палестины, тяжело отразившейся на благосостоянии госпитальеров, орден перенес свой центр на остров Кипр, где ему удалось создать крепкий флот и организовать сильную державу. Но около 1310 г. на Кипре началось движение против госпитальеров, вылившееся в крупные беспорядки, принудившие орден покинуть Кипр. Переселение на остров Родос сопровождалось крупным расстройством средств госпитальеров, и это расстройство тем тяжелее ими чувствовалось, что оно совпало с притеснениями ордена со стороны Филиппа Красивого и его сыновей, занимавших поочередно французский престол. На Родосе свыше двухсот лет орден существовал не только безбедно, но и вел тяжелую борьбу с турками, стремившимися захватить этот остров. Эта продолжительная и упорная борьба истощала госпитальеров и подрывала их ресурсы, так что финансовая деятельность их все более и более приходила в упадок и от бывшего широкого размаха осталось лишь одно воспоминание. Когда Родос в 1522 г., не без предательства некоторых членов ордена, был завоеван турецким султаном Сулейманом Великолепным, орден представлял собою лишь живой труп, которого

никак не в состоянии был оживить даже император Карл V, предоставивший ему ряд привилегий и отведший для него остров Мальту, где госпитальеры постепенно все более и более превращались в благотворительное учреждение, коему были чужды финансовые операции, столь характерные для прошлой деятельности этого духовно-рыцарского ордена.

III.

Тевтонский орден. Крупные коммерческие дела вел и тевтонский орден, возникший также в Иерусалиме и перенесший впоследствии свою главную деятельность в Пруссию, на берега Двины, Вислы и Прегеля, где предстояло установить «хорошие обычаи и законы для упрочения веры» и искоренить язычество прусов или борусов, народа литовского племени*). Отведенные тевтонскому ордену области оказались богатыми хлебом, янтарем, деревом, смолой, воском и золой, и тевтонцы, сделавшись господами положения, стали вести обширную торговлю, основной фонд которой получался от обложения туземного населения разными поборами и налогами. Однако, как духовно-рыцарский орден, тевтонцы нуждались в специальном разрешении римского папы на предмет торговли и с этой целью не раз обращались с просьбой

*) Тевтонский орден известен также под названием немецкого ордена или ордена немецких рыцарей.— См. Oehler, Geschichte der deutschen Ritter, 1910 — 1912.

к курии. В 1263 г. папа Урбан IV дал им свое согласие на продажу тевтонских товаров и покупку чужих (*merces vestras vendere ac emere alienas*), если только такая продажа и покупка не делаются ради торговых целей (*dummodo id causa negotiandi non fiat*). Такая булла, как легко понять, мало удовлетворила тевтонцев, которые стремились не к простому обмену товаров, а имели в виду именно коммерческие соображения, а потому они сфабриковали иную буллу, приписав ее папе Александру IV, издавшему ее будто бы в 1257 году. В подложной булле, являвшейся копией позднейшей буллы папы Урбана IV, были пропущены слова: «если только такая продажа и покупка не делаются ради торговых целей», и получилась полная свобода торговли, которую и стали пользоваться тевтонцы. Исходя из торговых интересов, тевтонцы создали ряд должностей, носивших чисто коммерческий характер: так, шефферы, рассаженные по разным городам тевтонского государства, заботились о покупке необходимых для торговли товаров и исполняли по преимуществу финансовые обязанности; шефферы были подчинены двум грощефферам, из которых один имел постоянное местопребывание в Кенитсберге, а другой в Мариенбурге. Помимо шефферов, орден имел доверенных людей, известных под названием лигеров, в тех заграничных пунктах, где тевтонцы скупали или куда продавали свои товары; наиболее всего лигеров было во Фландрии, с которой орден имел самые оживленные сношения. Лигеры были одновременно и приказчиками ордена, и

его компаньонами, и его доверенными людьми, а иногда работали в интересах ордена лишь за известный процент, не будучи ничем связаны. Лигеры были опытными коммерсантами и далеко не всегда состояли членами тевтонского ордена; они имели своих подчиненных, нередко получая их от ордена, располагавшего большим количеством «своих людей», которых он называл «Knechte» (прислуга) и которые несли разную службу финансово-коммерческого характера. Этот торговый аппарат, пользовавшийся значительной автономией и живший своею жизнью, был в лице гросшефферов ответственен перед гохмейстером ордена, являвшимся верховным повелителем, главою всего ордена, действия коего контролировались орденским капитулом, собиравшимся один раз в год и имевшим право судить гохмейстера, лишить его сана, издавать законы и назначать высших сановников. Гохмейстер имел пять помощников, соответствующих приблизительно нынешним министрам, при чем финансовое дело находилось в руках великого комтура, имевшего надзор над деятельностью обоих гросшефферов. Кроме великого комтура, орден имел еще главного казначея, также входившего в число пяти помощников гохмейстера. Под руководством обоих гросшефферов обширная территория тевтонского ордена была разделена на две области: на приморскую с главным городом Кенигсбергом, где ордену принадлежала монополия в деле покупки янтаря, и на привислянскую, богатую хлебом, свозившимся в огромном количестве в большие склады, расположенные в окрестностях Мариен-

бурга. На первых порах необработанный янтарь направлялся на Восток для производства четок, употреблявшихся монашествующими лицами для счета молитв и поклонов и пмевших большое распространение не только среди христиан, но и среди буддийского населения, где четки служили необходимой принадлежностью костюма ламийского духовенства. Когда путь на Львов, вследствие обостренных отношений между Польшей и орденом, стал небезопасен, тевтонцы начали отправлять свой янтарь морским путем в Любек или даже в Брюгге, откуда он в обработанном виде из рук специалистов четкоделателей уходил на Восток, между прочим, и в Россию, где православная церковь в виду безграмотности духовенства нуждалась в нем для правильного счета поклонов и молитв. Цена на янтарь устанавливалась орденом, являвшимся почти мировым монополистом, и Брюгге был особенно заинтересован в том, чтобы в нем образовался склад этого товара для всей Европы и отчасти даже Азии. Бургомистры Любека и Брюгге вели оживленную переписку с гохмейстерами ордена, указывая им на необходимость сосредоточения производства четок в одном-двух городах и уговаривая их не направлять из Пруссии материала в Венецию, где некогда также занимались производством четок. Взамен янтаря, орден получал из Любека, а в особенности из Брюгге, огромные количества товаров, которые грэшефферы продавали. Фландрия больше всего доставляла ордену разные сукна, начиная с дорогих сортов и кончая самыми грубыми; из Брюгге шли также в Пруссию сахар,

восточные пряности, фрукты, миндаль, рис и разные предметы роскоши. Орден не только покупал их для собственного потребления, но и для перепродажи и таким образом стал посредником между западной и восточной Европой, обогащаясь за счет обеих половин Европы. Стремясь расширить свои посреднические функции, орден начал отправлять во Фландрию не только свои произведения, не только янтарь и хлеб, но и все, что мог получить у своих соседей, не имевших прямых сношений ни с Любеком, ни с Брюгге и вообще с западной частью Европы. Особенно много покупал орден воску, меду, мехов, пушнины и лесу в Лифляндии, Польше, Литве и России, платя за них либо наличными деньгами, либо своими товарами, иногда обработанным янтарем, получаемым в таком виде обратно из Любека или Брюгге. Обширная торговля давала ордену большие средства, и он стал покупать землю, ренту; приобрел железный рудник Синнен близ Ниденбурга, втянулся в ряд крупных предприятий и сделался также банкиром-ростовщиком, т. е. давал ссуду под проценты сначала в замаскированном виде, а затем и совершенно открыто.

Наиболее часто скрытая форма процентных ссуд состояла в том, что орден, выдавая определенную сумму в одной валюте, требовал возврата в иной валюте, при чем расчет производился так, что все выгоды были на стороне тевтонцев. За 90 марок гохмейстер требовал, например, 205 венгерских гульденов, несмотря на то, что марка обычно оценивалась в два гульдена. При таком

расчете в пользу гохмейстера оставалось $12\frac{1}{2}$ марок, ибо он за данные 90 марок, т. е. за 180 венгерских гульденов, получал 205 гульденов, что составляло $102\frac{1}{2}$ марки, т. е. излишек в $12\frac{1}{2}$ марок. Это был недурной процент и в то же время ловкий обход канонического запрета о взимании процентов. Впрочем, с запретом орден очень скоро совершенно перестал считаться и, как показал Карл Заттлер, официальные бумаги тевтонцев пестрят заметками вроде: *tenetur 30 marc, hir vor sal her uns szinsen 3 marc* (взято 30 марок, из них нам следует три марки процентов*). Кредитные операции тевтонского ордена сопровождались, как и у других духовно-рыцарских орденов, получением в залог земельных участков и всяких драгоценностей, равно как вилл и домов. Этим объясняется наличие тевтонских поместий там, где о них менее всего можно было думать. Пользуясь своим духовным званием, орден выговорил себе преимущественное право получения долгов от лиц, не имеющих возможности полностью удовлетворить все требования кредиторов. Всякий должник обязан был расплачиваться в первую очередь с тевтонцами, а потом уже с другими лицами; практика эта вызвала большое недовольство среди «светских» кредиторов, и на привилегии тевтонцев поступали массовые жалобы. В результате этих жалоб было решено, что преимущественным правом пользуются не всякие требования тев-

*) Der Handel des Deutschen Ordens in Preussen zur Zeit seiner Blüthe в *Hansische Geschichtsblätter* за 1877 г.

тонцев, а лишь те, которые носят характер ренты, т. е. ссуды, в счет которых должник уплачивает часть своих доходов с дома или земли, служащих как бы обеспечением данной ссуды.

Так как постановление это распространилось на всех служащих ордена, оказывавшихся в привилегированном положении по сравнению с другими, то оно было встречено враждебно населением Пруссии; однако, орден был настолько всемогущ, что никакие протесты помочь не могли, и все, имевшие какое-либо отношение к тевтонцам, пользовались этим правом, присвоенным орденом без всякого основания. Другим злоупотреблением ордена было право на вывоз хлеба из Пруссии даже в годы неурожая и голода: благодаря массовому вывозу, хлеб поднимался в цене в местности, справедливо считавшейся житницей Европы, и хотя население всячески выражало свое недовольство этим, орден продолжал энергично поставлять зерно и муку во Францию, Англию и северные страны, строя на этих поставках очень выгодные финансовые комбинации.

Так как хлеб получался на берегах Вислы в большом количестве и вывоз его представлял очень прибыльную статью, то постепенно орден завладел монополией и в этой области и, наравне с янтарем, лишь один имел право продавать хлеб за границу. То же самое он стремился проделать с шерстью, как об этом свидетельствуют многочисленные жалобы начала XV века. Овцеводы указывают на необходимость предоставления свободы торговли шерстью и протестуют против моно-

полных привилегий тевтонского ордена, стремящегося все захватить в свои руки и совершенно вытеснить светских купцов. Жалобы эти возымели действие, и власти издали закон, ограничивший произвол ордена в деле вывоза за границу всякого рода товаров. С другой стороны, ордену удалось добиться для своих членов тех привилегий, коими за границей пользовались ганзейские купцы, и тевтонцы благодаря этому могли беспрепятственно конкурировать с Ганзой. Последняя с тревогой взирала на их конкуренцию, тем более, что орден нарушал постановления, принимавшиеся с согласия всех членов Ганзы, и извлекал пользу из всех тех затруднений, с которыми то в одном, то в другом месте приходилось сталкиваться ганзейским купцам. Неудивительно поэтому, что торговая предприимчивость тевтонского ордена вызывала раздражение Ганзы, которая и стала препятствовать дальнейшей работе тевтонцев. Стоит только вспомнить, с какой настойчивостью Ганза не допускала в Новгород тевтонцев, чтобы убедиться в той ненависти, какая накопилась у купцов против духовных торгашей, не признававших для себя обязательными постановления немецкой Ганзы, но желавших пользоваться всеми ее привилегиями. Из Новгорода ганзейским купцам удалось вытеснить тевтонцев, и это обстоятельство послужило толчком к дальнейшему устранению их из ряда торговых центров.

Одновременно со столкновениями ганзейских городов с тевтонцами из-за иностранных рынков, начались раздоры и более местного характера; города, соприкаса-

вниесея с территорией ордена или входившие в ее пределы, жаловались и на чрезмерные обложения, и на всякого рода притеснения, на которые был так изобретателен тевтонский орден. Так, в 1379 г. Данциг горько жалуется на то, что тевтонцы резко нарушают интересы данцигских кушцов и подрывают не только внешнюю, но и внутреннюю торговлю города *). Основное недовольство вызывали выдаваемые орденом разрешения на вывоз за границу хлеба. Несмотря на то, что гохмейстер в 1388, 1391, 1408 и 1409 годах давал торжественное обещание не нарушать хлебных правил, он его не исполнял, как об этом свидетельствуют постоянно возобновлявшиеся сетования разных городов, так и часто повторяемые обещания самого ордена. Недовольство, охватившее все слои общества, не могло не отразиться на положении тевтонцев, и когда под Танненбергом в 1410 г. был нанесен польско-литовским войском жестокий удар ордену, его звезда стала быстро закатываться, и дни тевтонцев были сочтены: целые области и города отделились от него и перешли на сторону польского короля. Многие из рыцарей уехали в Германию, оставив государство ордена на произвол судьбы: «никогда мир не слышал о такой неверности» — писал летописец ордена **). В дальнейшем прозябании ордена едва заметны следы его былой живой торгово-финансовой деятельности.

*) Hirsch, Th., Danzigs Handels-und Gewerbgeschichte, 1858.

***) Johannes Voigt, Geschichte Preussens, 1827—1839.

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Римская курия	7 — 50
1) Обложение духовных должностей 7. — 2) Налоги 18. — 3) Коллекторы 26.	
Глава II. Монастыри.	51 — 117
1) Коммерческие привилегии церкви 51. — 2) Земельное имущество монастырей 60. — 3) Торговые предприятия монастырей 71. — 4) Кредитные операции монастырей 90.	
Глава III. Духовно-рыцарские ордена	118 — 157
1) Орден тамплиеров 118. — 2) Орден госпитальеров 138. — 3) Тевтонский орден 149.	

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- 1) История второй Французской республики.
Стр. 544, 1904.
- 2) История Бельгии и Голландии в новое время.
Стр. 196, 1908.
- 3) История инквизиции в Испании. Стр. 508, 1914.
- 4) Царствование Фравца-Иосифа. Стр. 208, 1916.
- 5) Очерки Великой Французской Революции, 2 изд.
Стр. 160, 1917.
- 6) Евреи Запада в борьбе за право и свободу.
Стр. 128, 1918.
- 7) История труда, 3 изд. Стр. 232, 1923.
- 8) Средние века. Стр. 192, 1923.
- 9) История древнего мира. Стр. 176, 1923.

Книгоиздательство „СЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.
Петроград, пр. Володарского (б. Лятойный), 34. Тел. 5-47-76.

Проф. Н. И. КАРЕЕВ.

О ЧЕРКИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
Западной Европы в новейшее время.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ДВЕ АНГЛИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ
XVII века.

РАБОЧИЕ и КРЕСТЬЯНЕ
В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ
ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.

ПРОЖИТОЕ и ПЕРЕЖИТОЕ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
А. СЕДУХИНСКОГО

W

1855

...

...

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
ЛЕНИНГРАД, Проспект Володарского, № 34.
Телефоны: №№ 2-10-20 и 5-47-76.
Ленинградский гублит № 7980. Тираж 5000—12 л.

Тщ. 1-й Артшкелы им. „Красного Октября“, Ленинград, пр. Майорова, 63.